

ХАЛЕД ХОССЕЙНИ

АВТОР РОМАНОВ «Бегущий за ветром»
и «И эхо летит по горам»

Тысяча сияющих солнц

ОДИН ИЗ САМЫХ ЧИТАЕМЫХ СОВРЕМЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ
ОБЩИЙ ТИРАЖ ДВУХ РОМАНОВ ХАЛЕДА ХОССЕЙНИ – 40 МИЛЛИОНОВ

Халед Хоссейни

Тысяча сияющих солнц

«Фантом Пресс»

2008

Хоссейни Х.

Тысяча сияющих солнц / Х. Хоссейни — «Фантом Пресс», 2008

ISBN 978-5-86471-674-8

Любовь – великое чувство. Глубоко укрытая, запрещенная, тайная, она все равно дождется своего часа. Об этом роман Халеда Хоссейни. А также о дружбе между людьми, которые, казалось, могут быть только врагами. Мариам – незаконная дочь богатого бизнесмена, с детства познавшая, что такое несчастье, с ранних лет ощутившая собственную обреченность. Лейла, напротив, – любимая дочка в дружной семье, мечтающая об интересной и прекрасной жизни. Между ними нет ничего общего, они живут в разных мирах, которым не суждено было бы пересечься, если бы не огненный шквал войны. Отныне Лейла и Мариам связаны самыми тесными узами, и они сами не знают, кто они – враги, подруги или сестры. Но в одиночку им не выжить, не выстоять перед средневековым деспотизмом и жестокостью, затопившими некогда цветущий город. Роман Халеда Хоссейни невообразимо трагичен и неотразимо прекрасен, как ветхозаветная история. Читатели, которых подкупил его первый роман «Бегущий за ветром», полюбят и «Тысячу сияющих солнц». Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-86471-674-8

© Хоссейни Х., 2008

© Фантом Пресс, 2008

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	9
3	12
4	15
5	18
6	24
7	28
8	31
9	34
10	36
11	41
12	44
13	48
14	51
15	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Халед Хоссейни

Тысяча сияющих солнц

*Эта книга посвящается Хэрису и Фаре, светочам моих очей, и всем
женщинам Афганистана*

Часть первая

1

Мариам было пять лет, когда она впервые услышала слово *харам*.

Судя по всему, случилось это в четверг. Уж очень не по себе ей было, она просто места себе не находила. Ведь по четвергам к ним приходил Джалиль. Чтобы скоротать время (вот-вот он появится, помашет издали рукой, подойдет, по колено в высокой траве), Мариам забралась на стул и взяла с полки матушкин китайский чайный сервиз, единственную память после бабушки, матушкиной мамы, которая умерла, когда Мариам было два годика. Нана, мама Мариам, надышаться не могла на бело-голубые фарфоровые чашки в птицах и хризантемах, на чайник с благородно изогнутым носиком, на сахарницу с драконом, призванным отгонять силы зла.

Сахарница-то и выскользнула у Мариам из рук. Упала на деревянный пол и разбилась.

Когда Нана увидела осколки, лицо у нее побагровело, верхняя губа задрожала, а глаза, обычно томные и добрые, так и впились в Мариам. Девочка перепугалась, что в мать опять вселился *джинн*. Но нет, обошлось. Нана только схватила дочку за руки, сильно дернула и прошипела сквозь стиснутые зубы:

– Дура неуклюжая. Вот мне награда за все, что я перенесла. Все у этой маленькой *харам* из рук валится. Такую ценную вещь разбила.

Тогда Мариам не поняла. Слово *харам* – выблядок – было ей незнакомо. Не могла она по малости лет оценить всю несправедливость мерзкого ругательства – ведь уж наверное, вина лежала на тех, кто произвел ее на свет, а не на ней самой. Мариам только догадывалась, что это очень плохое слово и означает оно что-то гадкое, вот вроде тараканов, которых Нана с бранью выметала за порог.

Сделавшись постарше, Мариам поняла. В тоне матери сквозило такое отвращение, что стало ясно: *харам* (то есть сама Мариам) – существо нежеланное, никому не нужное, не имеющее, в отличие от других людей, никаких прав. Любовь, семья, дом – все это не для нее.

Джалиль никогда не обзывал так Мариам. Джалиль ласково обращался к ней «мой цветочек». Он усаживал ее к себе на колени, рассказывал про Герат – город, в котором Мариам родилась в 1959 году, колыбель персидской культуры, родной дом для писателей, художников и суфиев¹.

– Тут шагу нельзя ступить, чтобы ненароком не пнуть в зад какого-нибудь поэта, – смеялся он.

Джалиль поведал ей про царицу Гохар-Шад, которая в знак любви к Герату воздвигла в пятнадцатом веке великолепные минареты. Он рассказывал Мариам про пшеничные поля Герата, фруктовые сады, тучные виноградники, многолюдные базары.

– Представляешь, растет себе фисташковое дерево, – как-то сказал Джалиль, – а под ним, Мариам-джо, похоронен не кто-нибудь, а сам великий поэт Джами². – Джалиль наклонился к девочке поближе и прошептал: – Я тебе как-нибудь покажу это дерево. Джами жил больше пятисот лет тому назад. Так давно, что ты и не помнишь. Ты ведь еще маленькая.

¹ Суфизм – мистическое течение в исламе о познании Бога через мистическую любовь; для суфиев характерны озарения, экстаз, достигаемый путем танцев или бесконечного повторения молитвенных формул, умерщвления плоти.

² Абдурахман Нуриддин ибн Ахмад, прозванный Джами (1414—1492), – персидский и таджикский поэт и философ-суфий. Его стихи – о достоинстве человека, об идеалах добра, справедливости и любви как движущей силе Вселенной.

Мариам и правда не помнила. И хотя первые пятнадцать лет своей жизни она прожила у самого Герата – рукой подать, – обещанное дерево ей увидеть так и не довелось. И рядом с минаретами она не стояла, не рвала плоды в знаменитых садах, не гуляла вдоль пшеничных полей. Но рассказы Джалиля она слушала словно зачарованная, и восхищалась глубиной и обширностью его познаний, и гордилась своим отцом до сладкой дрожи.

– Что за небылицы! – ворчала Нана, когда Джалиль уходил. – У богатея хорошо язык подвешен. Никакого дерева он тебе не покажет. И не слушай его медовых речей. Он предал нас, твой любимый папочка. Выкинул вон. Выбросил из своего большого роскошного дома, будто мы ему чужие. И глазом не моргнул.

Мариам молчаливо-покорно выслушивала мать, хотя худых слов о Джалиле терпеть не могла. Ведь рядом с ним она уже не была харами. Один-два часа в неделю по четвергам, когда он приходил к ней, нередко с подарками, рассыпая улыбки и ласки, она по праву наслаждалась всей красотой и изобилием жизни. И за это Мариам обожала Джалиля.

И неважно, что отца приходилось делить с другими.

У Джалиля было три жены и девять детей, законных детей. Никого из них Мариам в глаза не видала. Джалиль – один из самых богатых людей в Герате – держал свой кинотеатр, в котором Мариам не была ни разу в жизни. Правда, Джалиль по настоянию дочки подробно описал его. Она знала, что снаружи здание облицовано голубым и коричневым кафелем, а в зале есть укромный балкон с креслами, которым Джалиль может пользоваться по своему усмотрению. Она знала, что в вестибюль, украшенный яркими афишами индийских фильмов, ведут двойные двери, открывающиеся в обе стороны, а по вторникам в буфете детям бесплатно раздают мороженое.

Когда Джалиль рассказывал про дармовое угощение, Нана только кротко улыбалась. А вот когда он удалился, она горько засмеялась:

– Чужие дети едят мороженое. А тебя он чем потчует, Мариам? Побасенками?

Кроме кинотеатра Джалилю принадлежали участки земли в Карахе и Фаре, три магазина ковров, один – готовой одежды и автомобиль «бьюик» 1956 года выпуска. И связи у него были. Среди его друзей числились мэр Герата и губернатор провинции. Само собой, у Джалиля имелись слуги, повар и шофер. И целых три служанки.

Одной из его служанок была и Нана.

Пока живот у нее не округлился.

По словам Наны, когда это случилось, все семейство Джалиля раздулось от возмущения. Весь воздух в городе в себя всосали. В Герате прямо нечем стало дышать. Чуть до кровопролития дело не дошло. Жены требовали прогнать негодную. Родной отец, резчик по камню из деревни Гуль-Даман, отрекся от Наны, собрал пожитки, погрузился в автобус и укатил в Иран. И ни слуху о нем с тех пор, ни духу.

– Порой мне кажется, – сказала Нана как-то утром, задавая корм курам, – что лучше бы мой отец наточил как следует нож и совершил, что велит честь. Избавил бы меня от мучений. – Она кинула птицам еще горсть зерна, помолчала и поглядела на Мариам: – И тебя тоже. Каково тебе приходится, незаконнорожденной. Но он был трус, мой отец. У него духу не хватило.

У Джалиля тоже духу не хватило. Он не пошел против родни, против жен, не взвалил на себя тяжкую ношу. Все было проделано тайком, за закрытыми дверями. Собирайся, дорогая, и очисти помещение.

– Знаешь, что он сказал женам в свое оправдание? Что это я во всем виновата. Я его соблазнила. Представляешь? Каково приходится женщине в земной юдоли!

Нана поставила чашку с зерном на землю и ухватила Мариам за подбородок:

– Посмотри на меня.

Мариам нехотя подняла глаза.

– Запомни хорошенько, дочка, у мужчины всегда виновата женщина. Во всем. Никогда не забывай об этом.

2

– Джалиль и его жены видели во мне что-то вроде чертополоха. Бурьяна-чернобыльника. Да и в тебе тоже. Ты еще и родиться-то не успела, а уже удостоилась презрения.

– Что такое чертополох? – спросила Мариам.

– Сорная трава, – ответила Нана. – Ее надо пропалывать. И вон из поля.

Мариам тайком насупилась. Чтобы Джалиль относился к ней как к сорняку! Да никогда такого не было! Но она почла за благо промолчать.

– Другое дело, что меня как-никак надо кормить-поить. Ведь у меня на руках ты. Ну уж насчет этого он с семейством договорился.

По словам Наны, в Герате она жить не захотела.

– Чего ради? Смотреть, как он разъезжает по городу со своими женами?

В пустой дом отца в деревню Гуль-Даман, на крутой склон горы (километра два к северу от Герата), Нана тоже не поехала. Ей хотелось перебраться в какое-нибудь укромное уединенное место, где соседи не будут пялиться на ее живот, показывать пальцем, хихикать или, что еще хуже, приставать с деланным сочувствием.

– Ты уж поверь мне, – говорила Нана, – твоему отцу не терпелось сплавить меня с глаз долой.

Это Мухсин, старший сын Джалиля от первой жены Хадиджи, нашел недалеко от Гуль-Дамана подходящее место – немалую проплешину в зарослях. От гератского шоссе вверх по склону, меж высокой травы и цветов, змеей ползла грязная, разъезженная повозками дорожка и выводила на плоскогорье. Здесь шумели тополя, краснели маки, слева внизу виднелись ржавые крылья деревенской ветряной мельницы, а по правую руку открывался вид на Герат. Дорожка упиралась в бурный поток, полную форели речку, стекавшую с гор Сафедкох³, со всех сторон окружавших Гуль-Даман. В паре сотен метров выше по течению, посреди рощицы плакучих ив, проступала поляна.

Джалиль лично отправился на место. А когда вернулся, тон у него был, словно у тюремщика, расхваливавшего вверенное его заботам узилище.

– И твой отец соорудил нам эту крысиную нору.

В пятнадцать лет Нана чуть было не вышла замуж за юного торговца попугаями из Шинданда. Мать рассказывала об этом нарочито равнодушно, однако глаза у нее лучились радостью. И ей выпало несколько счастливых дней. Пусть они пролетели быстро.

Сидя на коленях у Наны, Мариам старалась вообразить матушку в свадебном наряде, верхом на лошади, зеленая вуаль скрывает смущенную улыбку, кулачки выкрашены хной в красный цвет, на заплетенных в косички волосах сверкает серебряная пудра. Девочка представляла себе музыкантов, дудящих во флейты *шахнай* и бьющих в барабаны *дохол*, уличных мальчишек, с радостным визгом несущихся за лошадью.

До свадьбы оставалась какая-то неделя, когда в Нану вселился джинн. Мариам не понаслышке знала, что это такое. Мать вдруг валилась на пол, тело ее выгибалось, глаза закатывались, руки и ноги начинали мелко трястись, на губах показывалась пена, порой розовая от крови. Потом наступало забытие, а очнувшись, Нана не сознавала, где она и что с ней, и только что-то нечленораздельно бормотала.

Когда про это прознали в Шинданде, родные торговца попугаями отменили свадьбу.

– Перепугались до смерти, – заключала Нана.

Свадебный наряд пришлось спрятать подальше.

³ Герат лежит в отрогах хребтов Сиахкох и Сафедкох.

На поляне Джалиль с двумя сыновьями – Фархадом и Мухсином – построили небольшую саманную хижину с одним окном, именуемую *калба*, в которой Мариам прожила первые пятнадцать лет своей жизни. Две койки, деревянный стол, два стула с прямыми спинками, полки, на которых Нана расставила глиняные горшки и свой обожаемый китайский чайный сервиз, – вот и вся обстановка. Джалиль установил в домике новую чугунную печь и заготовил на зиму дрова – поленница была сложена сразу за хижинкой. Рядом с домом еще имелся тандыр для выпечки хлеба, выгородка для кур и загон для коз. В сотне метров за ивами Фархад и Мухсин выкопали глубокую яму и сколотили нужник.

По словам Наны, для постройки домика Джалиль мог нанять рабочих, но не стал.

– Это он так себе представляет покаяние.

Как утверждала Нана, Мариам она рожала в полном одиночестве. Был 1959 год, 26-й год почти безоблачного сорокалетнего правления короля Захир Шаха, стоял пасмурный и сырой весенний день. Джалиль якобы не потрудился пригласить врача или даже повитуху, хотя знал, что джинн может нагряться в любую минуту, невзирая на роды. Вся в поту, она лежала на полу хижины совершенно одна, только нож под рукой.

– Когда боль делалась нестерпимой, я впивалась зубами в подушку и орала, пока не потеряла голос. И некому было вытереть мне лицо, некому подать воды. А ты, Мариам-джо, и не думала двигаться. Почти два дня провалилась я на жестком холодном полу, не ела, не спала, только тужилась изо всех сил и возносила молитвы, чтобы ты наконец вышла из меня.

– Прости меня, Нана.

– Пуповину я перерезала сама. Вот зачем со мной был нож.

– Прости.

Нана только слабо улыбалась в ответ. Непонятно было, прощает она дочь или, напротив, до сих пор помнит зло. Хотя как можно всерьез просить прощения за боль, причиненную матери, когда она тебя рожала!

Годам к десяти Мариам уже больше не верила рассказам Наны об одиноких родах. Слова Джалиля казались ей более убедительными. А он говорил, что сам был в отлучке, но до отъезда отправил Нану в госпиталь в Герат, где она пребывала в чистой светлой палате под наблюдением врача, и только печально качал головой, когда Мариам рассказывала ему про нож.

Мариам очень сомневалась и относительно двух дней.

– Мне сказали, роды не заняли и часа, – говорил Джалиль. – Ты послушная дочь и всегда старалась не огорчать родителей, Мариам-джо. Даже когда только появлялась на свет.

– Его здесь даже не было! – возмущалась Нана. – Он обретался в Тахти-Сафаре⁴, катался на лошади со своими драгоценными друзьями.

По словам Наны, когда Джалилю сказали, что у него родилась еще одна дочь, он только плечами пожал, продолжая расчесывать гриву лошади. И проторчал в Тахти-Сафаре еще две недели.

– Он на руки-то тебя впервые взял, когда тебе уже исполнился месяц. Взглянул разок, сказал: «Какое у нее длинное лицо» – и передал обратно мне.

В это Мариам тоже не верила. Да, Джалиль признавал, что ездил на лошадях в Тахти-Сафаре. Но на весть о рождении ребенка он и не думал пожимать плечами, а вскочил в седло, прискакал обратно в Герат, покачал девочку на руках, погладил по бровкам и спел колыбельную. Мариам представить себе не могла, чтобы Джалиль сказал: «Какое у дочки длинное лицо». Хотя оно и правда было длинновато.

⁴ Древний парк неподалеку от Герата.

Нана говорила, что назвала девочку в честь своей матушки. Джалиль утверждал, что это он выбрал ей имя. Мариам – так называется очень красивый цветок, тубероза.

– Твой любимый? – уточняла Мариам.

– Из самых любимых, – улыбался в ответ Джалиль.

3

Одно из самых ранних воспоминаний Мариам – грохот железных колес по камням. Братья Мариам по отцу Мухсин и Рамин (иногда Рамин и Фархад) раз в месяц привозили им на тележке рис, муку, чай, сахар, растительное масло, мыло, зубную пасту. По кривой ухабистой дорожке, усыпанной галькой и булыжниками, объезжая заросли и валуны, парни дотаскивали тележку до речки, где мешки и коробки надлежало снять, перенести через поток, перекатить по воде к другому берегу тележку и нагрузить заново. Еще каких-то метров двести по высокой траве и кустарнику – лягушки так и прыгали из-под ног, комары жалили немилосердно, пот заливал глаза, – и вот она, цель.

– У него ведь есть слуги, – недоумевала Мариам. – Почему он не пошлет слугу?

– Это он так себе представляет покаяние, – поясняла Нана.

Заслышав грохот колес, мать и дочь выходили из хижины. Мариам на всю жизнь запомнила, какие позы принимала Нана: высокая, худая босоногая женщина стоит, опершись о дверной косяк, глаза насмешливо прищурены, руки вызывающе скрещены на груди, голова непокрыта, коротко остриженные волосы растрепаны. А карманы мешковатой длинной блузы, застегнутой под самое горло, доверху набиты камнями.

Братья ретировались к речке и ждали, пока Мариам и Нана перетащат продукты в хижину. Парни знали, что ближе чем на тридцать метров подходить не следует. Неважно, что камни, пущенные Наной, обычно летят мимо цели. Волоча в хижину мешки с рисом, она без устали поносила отпрысков Джалиля и их матерей на все корки. Мариам и слов-то таких не знала. Только юноши никогда не отвечали на оскорбления.

Мариам всегда очень жалела их. Ведь тележка такая тяжелая, они так с ней намучились, пока доволокли сюда. Им бы хоть воды подать. Почему мать не разрешает? Ведь даже не попросается по-человечески, рукой в ответ не махнет.

Как-то, чтобы сделать матери приятное, Мариам и сама наорала на Мухсина – дескать, у него рот как у ящерицы нечестивая дыра. Как ее потом мучили совесть, стыд и страх, что парни все расскажут Джалилю! А Нана покатывалась со смеху. Мариам даже испугалась, как бы с ней не случился припадок. Но Нана благополучно отсмеялась и сказала: «Ты – хорошая дочь».

Когда тележка пуста, братья потихоньку укатывали ее с собой. Мариам все видела – стояла и смотрела, как они исчезают в густой цветущей траве.

– Ты идешь?

– Да, Нана.

– Они смеются над тобой. Потешаются. Я сама слышала.

– Я иду.

– Ты мне не веришь?

– Вот она я.

– Ты ж моя любимая.

По утрам их будило далекое блеяние овец и высокие ноты рожка – пастухи из Гуль-Дамана выгоняли стадо на поросший сочной травой склон. Нана и Мариам доили коз, кормили кур, собирали яйца. Хлеб они тоже пекли вместе. Нана научила дочь замешивать тесто, разжигать огонь в тандыре, нашлепывать шматы теста на стенки печи. Еще Нана научила ее шить, варить рис, готовить разные начинки для лепешек – *салкам* с репой, *сабзи* со шпинатом, цветную капусту с имбирем.

Нана не любила гостей – не только посланцев Джалиля – и не делала из этого тайны. Охотно принимала она всего нескольких человек, и среди них старосту деревни – *арбаба* – Хабиб-хана, осанистого мужчину с белой бородой, маленькой головой и большим животом.

Он навещался к ним примерно раз в месяц, не чаще, обязательно в сопровождении слуги с цыпленком, горшочком риса *кичири* или корзинкой крашенных яиц для Мариам.

Заходила к ним и пожилая кругленькая женщина, которую Нана звала Биби-джо, вдова камнереза – приятеля отца Наны. За ней тенью следовала какая-нибудь из шести ее невесток с парочкой внуков. Переваливаясь с боку на бок, Биби-джо приближалась к дому, усаживалась на стул, услужливо поданный Наной, и принималась, отдуваясь, растирать ноги. Без гостинца для Мариам тоже никогда не обходилось – коробочка конфет *дишлемех*, корзиночка айвы. Перво-наперво Биби-джо засыпала Нану жалобами на пошатнувшееся здоровье и боль в ногах, затем наступала очередь гератских и деревенских сплетен, излагаемых обстоятельно и со смаком. Бессловесная невестка смиренно стояла рядом.

Но больше всех (кроме, разумеется, Джалиля) Мариам любила пожилого муллу Фатхуллу, *ахунда*, то есть законоучителя. Мулла приходил из Гуль-Дамана пару раз в неделю, проверял, хорошо ли девочка вызубрила пять молитв, составляющих ежедневный *намаз*, обучал чтению Корана, как в свое время Нану, когда та была маленькой девочкой. Не кто иной, как мулла Фатхуллу, научил Мариам читать, терпеливо следя, как девочка беззвучно шевелит губами и прижимает ноготь к бумаге, продвигая палец по строчкам, да так сильно, будто хочет выдавить из букв их сокровенный смысл. Не кто иной, как мулла Фатхуллу, научил Мариам писать, водя ее пальчиками с зажатым в них карандашом по отвесному склону буквы *алиф*, плавной кривой *ба*, трем точкам *са*.

Законоучитель был сухопарый сутулый старик с беззубой усмешкой и белой бородой до пояса. Обычно он приходил один, иногда с сыном, рыжеволосым Хамзой, на пару лет старше Мариам. Когда мулла Фатхуллу появлялся на пороге, она целовала ему руку – невесомые косточки, обтянутые тоненькой кожей, – а мулла касался губами ее лба. Потом они садились у хижины, ели арахис, пили зеленый чай, смотрели на дроздов, перепархивающих с ветки на ветку. Иногда гуляли по опавшей листве вдоль ручья, через ольшаник, вверх по склону горы. Мулла перебирал одной рукой четки и старческим дрожащим голосом рассказывал Мариам о диковинках, которые видел в юности, о двухголовой змее, попавшейся ему в Исфахане на Мосту Тридцати Трех Арок, об арбузе, в один прекрасный день разъятом им на две половинки перед Голубой мечетью в Мазари-Шарифе. Семечки на одной половине составили слово *Аллах*, на другой – *Акбар*.

Муллу Фатхуллу признавался Мариам, что сам не понимает значения некоторых слов из Корана, но само их звучание так прекрасно, что они легко скатываются с языка и облегчают душу.

– Они и тебя утешат, Мариам-джо. Молись, и они никогда не подведут тебя. В словах Господа ты обретишь надежную опору.

Муллу умел рассказывать, но умел и слушать. Когда Мариам говорила, он, казалось, весь обращался в слух, улыбался, кивал головой, будто девочка оказывала ему честь. Ему можно было поверить такое, в чем Мариам никогда бы не осмелилась признаться Нане.

Однажды на прогулке Мариам сказала ему, что не прочь пойти в школу.

– В настоящую школу, ахунд-сагиб. В класс. Как другие дети моего отца.

Неделю назад Биби-джо принесла на хвосте, что дочки Джалиля Сайдех и Нахид пошли в гератскую женскую школу «Мехри». С той поры мысли об учителях и классах прочно засели у Мариам в голове. Учебники, разлинованные тетрадки, колонки цифр, ручки, которыми можно красиво и четко писать, так и вертелись перед глазами. Что уж говорить об ученицах-ровесницах, возможных подружках!

– Ты правда хочешь в школу? – Мулла Фатхуллу замер на месте, глядя на нее добрыми слезящимися глазами; тень от чалмы упала на траву.

– Да.

– И ты хочешь, чтобы я попросил у твоей матушки позволения?

Мариам улыбнулась. Наверное, только Джалиль понимает ее так же хорошо, как старый законоучитель.

– Ну что тут прикажешь делать? Господь в неизреченной мудрости своей наделил каждого из нас слабостями. Одна из моих многочисленных слабостей, Мариам-джо, в том, что я не могу тебе ни в чем отказать. – И мулла потер щеку скрюченным пальцем.

Нана резала в кухне лук. Стоило мулле заговорить с ней, как она даже нож уронила.

– Это еще зачем?

– Если девочка хочет учиться, моя дорогая, ей надо разрешить. Пусть получит образование.

– Учиться? Чему, мулла-сагиб? – резко спросила Нана, прищурившись на Мариам.

Та потупилась.

– Что толку учить девчонку вроде нее? Все равно что выставять плевательницу на яркий свет. И чему полезному ее научат в этой школе? Женщинам вроде нее и меня в жизни нужно только одно. Ну-ка, посмотри на меня.

– Ты не должна так говорить, дитя мое.

– Посмотри на меня.

Мариам подняла глаза.

– Только одно. Терпение. *Тахамуль*.

– А что надо терпеть, Нана?

– Насчет этого не беспокойся. Хватило бы сил все перенести.

Вот, к примеру, жены Джалиля называли ее гадкой, низкой дочкой каменщика. И заставляли стирать белье во дворе на холоде, пока она вся не окоченела.

– Это твой жизненный удел, Мариам. Для таких, как мы, судьба уже все определила. Нам осталось только терпеть. Понимаешь? А в школе над тобой будут насмехаться. Обязательно. И обзовут тебя «харами». И будут про тебя рассказывать всякие гадости. Я не хочу этого.

Мариам послушно кивнула.

– Больше даже не заикайся насчет школы. Ты – все, что у меня есть. Я не отдам тебя им. Посмотри на меня. Не смей заикаться насчет школы.

– Рассуждай здраво. Если девочке хочется... – начал было мулла Фатхулла.

– А вы, ахунд-сагиб, при всем моем к вам уважении, лучше не потакали бы девчонке в ее глупостях. Ее место здесь, рядом с матерью. Больше ей податься некуда. Везде только презрение и боль. Уж я-то знаю, ахунд-сагиб.

4

Мариам любила, когда приходили гости. Деревенский староста с гостинцами, сплетница Биби-джо, мулла Фатхулла. Но ни по кому, ни по одному человеку Мариам так не скучала, как по Джалилю.

Беспокойство завладевало ею уже во вторник ночью. Мариам плохо спала, ее снедала тревога, что какие-то срочные дела не позволят Джалилю прийти и придется ждать еще целую неделю, до следующего четверга. Когда наступала среда, Мариам не сиделось дома, она мерила шагами лужайку, равнодушно швыряла корм курам, обрывала лепестки у цветов и давила комаров. В четверг у нее все из рук валилось, она только и могла, что сидеть у стены дома, уставившись на речку, и ждать. Если Джалиль приходил поздно, ее потихоньку начинала бить дрожь, коленки слабели, она все порывалась куда-то бежать и не могла.

И тут внезапно раздавался голос Наны:

– Да вот он, твой папочка. Во всей своей красе.

Мариам вскакивала на ноги, и взору ее, точно, представал Джалиль. Он пускал камешки по воде, источал улыбки, приветственно махал рукой. Мариам знала, что Нана поглядывает на нее, следит, как она себя поведет, и ей стоило немалых усилий не броситься отцу навстречу, а стоять неподвижно и ждать, пока он сам подойдет к ней (ужасно медленно). Застыв на месте, Мариам смотрела, как Джалиль шагает по высокой траве, пиджак наброшен на одно плечо, красный галстук треплется по ветру.

Когда Джалиль вступал на поляну, он бросал пиджак на тандыр и раскрывал объятия. Девочка делала пару шажков к нему, потом срывалась с места, и Джалиль подхватывал ее под мышки и подбрасывал в воздух. Мариам радостно визжала.

Сильные руки отца поднимали ее высоко, отсюда Мариам видела его повернутое кверху лицо, широкую улыбку, «вдовый треугольник» волос на лбу, раздвоенный подбородок – в ямочку как раз помещался ее мизинец, – белоснежные здоровые зубы, редкость в этом городе. Она обожала его подстриженные усы, его неизменный темно-коричневый пиджак (какая бы погода ни стояла, он всегда являлся к ним в костюме, носовой платок торчит треугольничком из нагрудного кармана), его запонки, его небрежно повязанный галстук. И себя Мариам тоже видела со своей верхотуры: вот оно, ее отражение в карих глазах отца – волосы растрепаны, лицо разгорелось, над головой синее небо.

Нана ворчала, что однажды Джалиль ее уронит и она рухнет на землю и сломает себе руку или ногу. Но Мариам не верила, что такое возможно. Уж так надежно держали ее сильные, ухоженные руки отца.

В тенечке возле хижины Нана подавала им чай, они с Джалилем улыбались друг другу тревожной улыбкой и кланялись. Джалиль никогда словом не упоминал о том, как Нана кидала в его мальчиков камни и как поносила их подлыми словами.

Как бы ни кляла Нана Джалиля в его отсутствие, при нем она всегда была тихая и степенная. Волосы вымыты и расчесаны, зубы почищены, на голове – лучший ее хиджаб, руки чинно сложены на коленях. Она никогда не смотрела на него прямо, не употребляла грубых словечек, а когда смеялась, держала у рта кулачок, чтобы плохие зубы не бросались в глаза.

Нана спрашивала его, как идут дела. У него самого и у его жен. Биби-джо сказала ей, что самая молодая его жена, Нарджис, ждет третьего ребенка. Джалиль вежливо улыбнулся и утвердительно кивнул на ее вопрос.

– Что ж. Ты, наверное, рад. Сколько ты их уже наплодил-то? Никак, целых десять, *машалла*?⁵ Десять?

⁵ Слава Богу (арабск.).

Да, десять, согласился Джалиль.

– Вот и нет. Одиннадцать. Считаю Мариам.

Когда Джалиль ушел, мать и дочь повздорили. Мариам сказала, что Нана специально выставила его дураком.

Напившись с Наной чаю, Мариам и Джалиль отправлялись на рыбалку. Отец учил ее, как надо забрасывать удочку, как подсекать, как чистить и потрошить форель, как одним быстрым движением выдергивать из рыбы хребет. Пока они ждали поклевки, Джалиль рисовал ей картинки, показывал, как можно изобразить слона, не отрывая карандаша от бумаги. Он научил ее рифмовать слова, они вместе пели песенку.

Лунку воробьи нашли
И купаются в пыли.
Рыбка в речке поскользнулась —
С головою окунулась.

Джалиль приносил с собой вырезки из гератской газеты «Игтифак-и-Ислам» и зачитывал Мариам. Так она узнала, что за пределами их хижины, за пределами деревни Гуль-Даман и города Герата существует огромный мир, где правят президенты, имена которых невозможно выговорить, где мчатся поезда, где играют футболисты, где взлетают ракеты и садятся на Луну. Кусочек этого большого мира Джалиль приносил с собой по четвергам.

Именно отец сказал ей летом 1973 года, когда Мариам было четырнадцать лет, что произошёл бескровный переворот и короля Захир Шаха, правившего страной из Кабула сорок лет, свергли.

– Пока король лечился в Италии, власть перешла к его двоюродному брату Дауд Хану. Помнишь, кто такой Дауд Хан? Я тебе рассказывал про него. Когда ты родилась, он был в Кабуле премьер-министром. Так что Афганистан больше не монархия. Теперь наша страна – республика, а Дауд Хан – президент. Говорят, ему помогли взять власть социалисты. Представляешь, сам-то он никакой не социалист, но вроде бы они ему помогли. Такие слухи ходят.

Мариам спросила отца, что такое «социалист», и Джалиль пустился в объяснения. Только Мариам пропускала все мимо ушей.

– Ты слушаешь?

– Да.

Но глаза ее смотрели на оттопырившийся боковой карман отца.

– Ну да. Конечно. Тянуть больше не будем.

Джалиль достал из пиджака коробочку и протянул Мариам. Время от времени он делал ей небольшие подарки. Сердоликовый браслет на запястье. Лазуритовое ожерелье. А в тот день в коробочке оказался кулон-листик со свисающими кругляшками вроде монеток, на каждой выбиты звезды и полумесяц.

– Примерь, Мариам-джо.

Она послушалась.

– Что скажешь?

Джалиль просиял:

– Ты прямо как царица.

Когда он ушел, Нана заметила кулон у дочки на шее.

– Работа кочевников, – сказала она. – Я видела, из чего они такое делают. Люди кидают им милостыню, а они переплавляют монетки. Пусть-ка он тебе в следующий раз подарит что-нибудь золотое, твой драгоценный папочка. Да куда там. Кишка тонка.

Когда Джалилю пора было уходить, Мариам стояла в дверях, провожала его взглядом, пока он не скрывался за деревьями, и думала о предстоящей неделе как о пропасти, отделя-

ющей ее от следующего четверга. Мариам всегда задерживала дыхание, когда прощалась с отцом. И не дыша считала мгновения. За каждое такое мгновение Господь (так она про себя с ним условилась) дарил ей еще один день вместе с Джалилем.

«А на что похож его дом в Герате? – думала Мариам по ночам, лежа в своей кровати. – Хорошо бы жить вместе с ним, видеть его каждый день, приносить полотенце после бритья, сообщать, если порезался. Подавать ему чай, пришивать оторвавшиеся пуговицы, гулять с ним по Герату, делать покупки на крытом базаре – Джаlilik сказал, там можно купить все что угодно. Кататься с ним на машине – а люди будут кивать и говорить: “Это Джаlilik-хан с дочерью”. Увидеть дерево, под которым погребен знаменитый поэт».

Однажды Мариам скажет ему обо всем этом. И очень скоро. А когда он поймет, как она скучает по нему, он, конечно, заберет ее с собой. И отвезет в Герат, и она будет жить у него в доме. Как все прочие его дети.

5

– А я знаю, чего мне хочется, – сказала Мариам Джалилю.

Весной 1974 года Мариам исполнилось пятнадцать лет. Они втроем сидели в тени ив на поляне у хижины. Раскладные стулья были расставлены треугольником.

– На мой день рождения. Я знаю, чего мне хочется.

– Правда? – ободряюще улыбнулся Джалиль.

Недели две назад Джалиль сообщил Мариам (как пристанет с расспросами – вот ведь любопытная какая!), что в его кинотеатре идет особенное американское кино. Мультфильм называется. Много-много рисунков мелькают последовательно один за другим, и зрителю кажется, что нарисованные кадры двигаются на экране. Кино это про старого бездетного мастера-кукольника, которому очень хотелось иметь сына. Вот мастер и вырезал себе из дерева куклу-мальчика, а она возьми и оживи. Мариам попросила отца рассказать подробнее. Оказалось, со стариком и деревянным мальчиком чего только не случалось. Они даже умудрились угодить на Остров Наслаждений к плохим непослушным мальчикам, которые превращались в ослов. А потом старика и куклу проглотил кит. Мариам даже рассказала про мастера и деревянного мальчика мутле Фатхулле.

– Хочу, чтобы ты, отец, сводил меня в свой кинотеатр и показал мультфильм. Хочу посмотреть на деревянного мальчика.

Стоило Мариам произнести эти слова, как настроение родителей переменилось. Они беспокойно пошевелились на стульях и переглянулись.

– Это ты плохо придумала, – сказала Нана холодно и сдержанно. При Джалиле она всегда разговаривала таким тоном. Только тут добавился еще сердитый, осуждающий взгляд.

Джалиль откашлялся.

– Знаешь, копия оказалась не лучшего качества. И звук тоже. Да и киноаппарат уже пора отдавать в ремонт. Наверное, мама права. Давай я лучше подарю тебе что-нибудь другое, Мариам-джо.

– Аних, – подхватила Нана. – Вот видишь? Отец того же мнения.

– Возьми меня в кино, – еще раз попросила Мариам, когда они с Джалилем подошли к речке.

– Вот что, – сказал Джалиль. – Я пришлю кого-нибудь, чтобы сводил тебя в кино. Будешь сидеть на хорошем месте и поедать конфеты. Сколько хочешь.

– Нет, хочу пойти с тобой.

– Мариам-джо...

– И пригласи еще моих братьев и сестричек. Хочу, чтобы мы отправились на сеанс все вместе. Очень хочу.

Джалиль только вздохнул, отводя глаза в сторону, будто ему захотелось вдруг полюбоваться горами.

По рассказам Джалиля, лицо человека на экране получается размером с дом. А когда сталкиваются машины, грохот ощущаешь всем телом. Как здорово будет сидеть на балконе вместе с Джалилем и его детьми, смотреть на экран и лизать мороженое!

– Очень хочу, – повторила Мариам.

В глазах Джалиля сквозила печаль.

– Завтра. В полдень. Встретимся на этом самом месте. Ладно? Завтра.

– Приходи, – сказал Джалиль, присел на корточки, обнял дочку и прижал к себе. И долго-долго не отпускал.

Сперва Нана ходила вокруг хижины, сжимая и разжимая кулаки.

– За что Господь даровал мне такую неблагодарную дочь? Ведь я столько перенесла ради тебя! Как ты смеешь? Ты, вероломная харами, хочешь бросить меня!

Потом Нана перешла к насмешкам:

– Дура ты, дура! Думаешь, ты значишь для него хоть что-нибудь? Так тебя и ждут у него в доме! Думаешь, ты ему настоящая дочь и он рад будет принять тебя? Сердце мужчины достойно презрения, Мариам. Это тебе не материнская утроба. Я – все, что у тебя есть в этой жизни. Не будет меня, ты останешься одна-одинешенька на всем белом свете.

Наконец, мать стала взывать к совести дочери:

– Если ты уйдешь, я умру. Явится джинн, и со мной будет припадок. Вот увидишь, я подавлюсь собственным языком и задохнусь. Не уходи, Мариам-джо. Останься со мной. Я не переживу, если ты уйдешь.

Мариам молчала.

– Ведь я так люблю тебя, Мариам-джо.

– Пойду пройдуся, – сказала Мариам.

Она боялась наговорить матери обидных слов, если останется, она знала, что про джинна – все враки. Джалиль сказал, это просто болезнь, у которой есть имя, и если бы Нана принимала специальные таблетки, ей было бы куда легче. Джалиль предлагал пойти к доктору, но Нана отказалась. И пилюли, которые он ей купил, принимать не стала. Почему? Если бы Мариам смогла подобрать нужные слова, то сказала бы матери, что ей надоело быть игрушкой в чужих руках, бессловесной ущербной куклой для выслушивания лживых жалоб на жизнь, лишним поводом для обиды.

«Ты боишься, Нана, – сказала бы Мариам матери. – Ты боишься, вдруг я обрету счастье, которого у тебя никогда не было. Поэтому ты не хочешь, чтобы я была счастлива. Это твое сердце достойно презрения».

У края поляны было одно местечко, которое Мариам очень любила. Отсюда открывался прекрасный вид. Здесь-то юная девушка и расположилась на сухой теплой траве. Перед ней простирался Герат со всеми его достопримечательностями: Женским Садам на севере города, площадью Чар-Сук, развалинами крепости Александра Великого. Минареты тянулись в небо, словно пальцы великанов, Мариам воображала себе толпу, заполнявшую улицы, бесконечную череду повозок, запряженных мулами. Над головой кружили ласточки – Мариам завидовала им, ведь они побывали в Герате, летали над мечетями и базарами, может, даже сидели на заборе дома Джалиля и прыгали по ступенькам его кинотеатра.

Мариам набрала десять камушков и составила из них несколько столбиков. В эту игру она порой играла сама с собой, когда Нана не глядела. В первом столбике было четыре камня – дети Хадиджи, в остальных двух – по три: дети Афсун и Нарджис. А четвертый столбик состоял из одного-единственного камушка – одиннадцатого.

На следующий день Мариам надела кремовое платье-камиз до колен, хлопчатобумажные штаны-шальвары, голову покрыла зеленым хиджабом. Цвет этот был не в тон остальному ее наряду. Ужасно, конечно, но тут уж ничего поделать нельзя – в ее белом хиджабе проела дырки моль.

Девушка проверила время. Старые часы с ручным заводом, ярко-зеленым циферблатом и черными цифрами ей подарил мулла Фатхулла. Было девять часов утра.

Интересно, где сейчас Нана? Пойти, что ли, ее поискать? И опять выслушивать насмешки и обвинения, смотреть в горестные глаза?

Мариам присела к столу и, чтобы скоротать время, нарисовала целую кучу слонов, не отрывая карандаша от бумаги, как учил Джалиль. Даже все тело затекло. Но ложиться не годилось – еще наряд изомнешь.

Когда стрелки часов показали одиннадцать тридцать, Мариам сложила в карман свои одиннадцать камушков, вышла из дома и направилась к речке. Нана сидела на своем складном стуле в тени под ивой. Трудно сказать, заметила она Мариам или нет.

В условленном месте на берегу Мариам принялась ждать. Над головой медленно проплывали угрюмые серые облака, формой похожие на цветную капусту. Такими темными облака делаются потому, что верхняя часть у них очень плотная, не пропускает солнечные лучи и отбрасывает тень, говорил Джалиль. «Видишь, Мариам-джо, какой черный у тучки животик».

Минуты бежали.

Мариам вернулась к хижине. На этот раз она двигалась вдоль западной кромки поляны и не видела Нану.

Что там на часах? Почти час дня.

«Он – деловой человек, – убеждала себя Мариам. – Его просто что-то задержало».

Она вернулась к речке и подождала еще. Вокруг порхали черные дрозды, то и дело ныряя в высокую траву. По колючему зеленому стволу чертополоха медленно-медленно ползла гусеница.

Мариам ждала, пока не затекли ноги.

Нет, домой она не пойдет.

Девушка подвернула до колен шальвары, пересекла поток и зашагала под уклон. Впервые в жизни она направлялась в Герат.

Про Герат Нана тоже врала. Никто не показывал на Мариам пальцем. Никто не смеялся. Мариам шла по многолюдным шумным бульварам, поросшим кипарисами, мимо нее текли потоки людей, велосипедистов, повозок, запряженных мулами, и никто не швырял в нее камнями, никто не кричал вслед «харами». Она ничем не выделялась в толпе.

Мариам постояла у овального пруда, где сходились несколько посыпанных гравием аллей, погладила по спине мраморных лошадей, слепо тарасивших глаза на воду. Мальчишки пускали бумажные кораблики. Всюду было полно цветов: тюльпанов, лилий, петуний, их лепестки, казалось, купались в солнечном свете. Люди прогуливались по дорожкам, сидели на лавках, попивали чай.

Мариам не верилось, что наконец-то она здесь. Сердце радостно билось. Жалко, муллы Фатхуллы нет рядом. Он бы за нее порадовался. Вот ведь какая храбрая! – сказал бы законоучитель про Мариам. Не побоялась отправиться в большой город, окунуться в новую жизнь. Теперь она заживет совсем по-другому, рядом с отцом, братьями и сестрами, и они будут любить ее, а она – их. В ее жизни не будет больше места упрекам и стыду.

Она вышла из парка и вернулась на широкую магистраль. Перед глазами замелькали бесстрастные, дочерна загоревшие лица уличных торговцев, расположившихся со своими вишнями и виноградом в тени платанов, босоногие мальчишки размахивали пакетами с айвой перед машинами и автобусами. На углу улицы Мариам опять остановилась.

Ну почему у всех этих людей равнодушие на лицах, когда кругом такие чудеса!

Набравшись храбрости, она спросила у пожилого толстощекого извозчика в полосатом *чапане* всех цветов радуги, не знает ли тот, где живет Джалиль, владелец кинотеатра.

– Ты нездешняя, да? – дружелюбно осведомился старик. – Всем известно, где живет Джалиль-хан.

– Можете мне показать?

Извозчик развернул ириску и спросил:

– Ты одна?

- Да.
- Забирайся. Я отвезу тебя.
- Я не смогу заплатить. У меня денег нет.
- Старик протянул ей ириску.

– Мне все равно домой уже пора. Часа два, как клиентов нет. А дом Джалиль-хана мне по пути.

Мариам уселась рядом с ним. Ехали они молча. Лавки и лотки так и мелькали по обе стороны. Пряности, апельсины, груши, шали, даже ловчие соколы... Деревянные помосты, застланные коврами, люди пьют чай, курят кальян, рядом дети играют в шарики, начертив круг в пыли...

Повозка свернула на широкую улицу, засаженную соснами и кедрами, проехала еще немного и остановилась.

- Мы на месте. Похоже, тебе повезло, *дохтар-джо*. Хозяин дома, вот его машина.
- Мариам спрыгнула на землю. Извозчик улыбнулся ей и покатил дальше.

Никогда прежде Мариам не дотрагивалась до автомобиля. Машина Джалиля стояла перед ней во всей красе: черная, блестящая, с зеркальными колпаками, отражавшими все вокруг (в том числе и саму Мариам), с сиденьями из белой кожи. Возле руля сверкали какие-то полированные рычаги и стеклянные циферблаты со стрелками.

На мгновение девушке послышался издевательский голос матери – и ее словно холодной водой окатили. Мариам подошла к калитке и оперлась о стену – она высилась перед ней каким-то предвестником беды. Из-за стены виднелись только верхушки кипарисов – и то, если высоко задраить голову. Кроны деревьев раскачивались на ветру, будто приветствуя Мариам.

Ну же, смелее.

Дверь открыла босоногая девушка с татуировкой под нижней губой.

- Я хочу видеть Джалиль-хана. Меня зовут Мариам. Я его дочь.

Недоумение на лице босоногой служанки сменилось проблеском понимания, следом пришла готовность помочь. На губах появилась слабая улыбка.

- Жди тут, – быстро проговорила девушка и захлопнула дверь.

Прошло несколько минут, прежде чем дверь опять открылась. На этот раз на пороге стоял высокий широкоплечий мужчина с сонными глазами и безразличным лицом.

- Я шофер Джалиль-хана, – сказал мужчина довольно добродушно.

- Простите, кто?

- Его водитель. Джалиль-хан в отлучке.

- Но его машина здесь, – возразила Мариам.

- Он отправился по срочному делу.

- Когда он вернется?

- Он не сказал.

- Я подожду.

Мужчина захлопнул калитку. Мариам села на землю, поджав колени к подбородку. Уже наступил вечер, и ей хотелось есть. Пришлось сжевать ириску, которой ее угостил извозчик.

Спустя некоторое время опять показался шофер.

- Тебе надо отправляться домой, – сказал он. – Через час уже совсем стемнеет.

- Я привыкла к темноте.

- Становится холодно. Давай я отвезу тебя домой. А хозяину передам, что ты приходила.

Мариам смотрела на него, не произнося ни слова.

- Я могу отвезти тебя в гостиницу. Выпишься. А утро вечера мудренее.

- Пустите меня в дом.

– Не велено. Послушай-ка, никто не знает, когда хозяин вернется. Может, через несколько дней.

Мариам скрестила на груди руки.

Водитель вздохнул и посмотрел на нее с мягким упреком.

Впоследствии Мариам частенько задумывалась о том, как сложилась бы ее жизнь, если бы она позволила водителю отвезти ее обратно. Но этого не произошло. Целую ночь она провела у дома Джалиля. Она видела, как небо темнеет и вдоль улицы ложатся длинные тени. Служанка с татуировкой вынесла ей миску риса и кусочек хлеба, Мариам отказалась, и служанка поставила миску прямо на землю. Время от времени на улице слышались шаги, скрипели двери, звучали приглушенные слова приветствия. Зажглись окна. Залаяли собаки.

Проголодавшись, Мариам съела хлеб и рис. В садах стрекотали сверчки. Освещаемые бледной луной, над головой скользили облака.

Утром оказалось, что ночью кто-то прикрыл ее одеялом.

Разбудил ее водитель.

– Ну, хватит. Хорошенького понемножку. *Бас.* Пора отправляться домой.

Мариам протерла глаза. Спина и шея ныли.

– Я уж дождусь его.

– Ну-ка, посмотри на меня. Джалиль-хан велел немедленно отвезти тебя домой. Прямо сейчас. Поняла? Сам Джалиль-хан так распорядился. – Водитель распахнул заднюю дверцу: – *Биа.* Садись в машину.

Глаза у Мариам защипали.

– Я дождусь его.

– Позволь, я отвезу тебя домой. Поехали, дохтар-джо. – Шофер вздохнул.

Мариам поднялась с земли, пошла вслед за ним – но в последнюю секунду метнулась в сторону и бросилась прямо к калитке. Водитель успел ухватить ее за плечо, но она вывернулась и ворвалась в открытую дверь.

Миг – и она уже у Джалиля в саду. Перед глазами мелькнули стеклянные стенки, за которыми что-то росло, гроздья винограда, свисающие с деревянных подпорок, облицованный серым камнем пруд, плодовые деревья, кусты, усыпанные яркими цветами...

И тут в окне второго этажа она увидела лицо. Глаза широко раскрыты, рот разинут. Ей хватило мгновения, чтобы узнать. Моментально опущенные шторы ничего уже не могли скрыть.

Чьи-то сильные руки ухватили ее под мышки и оторвали от земли. Мариам затрепыхалась, галька посыпалась у нее из кармана. Пока ее волокли к машине и усаживали на холодное кожаное сиденье, она билась и кричала.

Шофер говорил негромко, полупшепотом. Мариам его не слушала. Всю дорогу она плакала. Это были слезы боли, слезы гнева, слезы разочарования. И глубокого стыда. Как она готовилась к встрече, как огорчалась из-за хиджаба не в тон, как шла до Герата пешком, как отказалась уйти домой, как спала на улице, будто бездомная собачонка!

А ведь Нана ее предупреждала. И была права во всем.

Сможет ли она теперь смотреть матери в глаза?

У Мариам из головы не шло его лицо в окне второго этажа. Он позволил ей спать на улице! *На улице.* Мариам упала лицом вниз на кожаную подушку, чтобы никто ее не увидел. Наверное, весь Герат знает, каким позором она себя покрыла. Как жалко, что муллы Фатхуллы нет рядом, он бы сумел ее как-нибудь успокоить.

Дорога пошла в гору, машину затрясло. Они были на полпути между Гератом и Гуль-Даманом.

Что теперь сказать Нане, какими словами просить прощения?

Машина остановилась, и водитель помог Мариам выйти.

– Я тебя отведу, – тихонько сказал он, и они зашагали вверх по дорожке, густо заросшей по краям жимолостью и молочаем.

Жужжали пчелы. Мужчина взял ее за руку и помог перейти через речку. На другом берегу Мариам вырвала руку и пошла сама.

Шофер все бормотал, что совсем скоро завоюют знаменитые гератские ветра, дующие сто двадцать дней в году с утра до заката, и от комаров никакого спасу не будет... И вдруг он встал перед ней и загородил дорогу. Размахивая руками, он будто отгонял девушку прочь.

– Назад. Нет. Не смотри. Повернись и беги отсюда.

Но он не успел. Мариам уже все видела.

Ивы склонились под ветром. словно занавес раздвинулся. Стал виден перевернутый стул.

И веревка, свисающая с ветки.

И болтающееся на веревке тело.

6

Нану похоронили в углу деревенского кладбища. Мариам стояла в толпе женщин рядом с Биби-джо. Мулла Фатхулла прочел положенные молитвы, и мужчины опустили тело в могилу.

После похорон Джалиль отвел Мариам в хижину и разыграл перед собравшимися заботливого отца, убитого горем, – велел ей лечь, сам сел рядом, энергично помахал у нее перед лицом веером, провел рукой по лбу, потом вскочил, собрал пожитки дочери, уложил в чемодан и все спрашивал: не нужно ли тебе чего?, Не нужно ли?.. Несколько раз спросил.

– Позови муллу Фатхуллу, – попросила Мариам.

– Конечно. Он возле дома. Сию минуту.

Когда легкая сгорбленная фигурка муллы показалась в дверях, Мариам впервые за весь день заплакала.

– О, Мариам-джо.

Он сел рядом с ней, погладил по лицу.

– Поплачь, Мариам-джо. Поплачь. Не стесняйся. Только помни, девочка, что говорит Коран: «Благословен тот, в руках которого власть и который властен над всякой вещью, который создал смерть и жизнь, чтобы испытать вас, кто из вас лучше по деяниям, – Он велик, прощающ!»⁶ В этих словах истина, девочка моя. Да будет Господь тебе опорой в горе и страданиях, и да послушна будешь воле его!

Но слова Господа не принесли Мариам утешения. В ушах ее звучали другие слова, те, что сказала Нана. *«Если ты уйдешь, я умру»*. И слезы потоком лились из ее глаз и омывали испещренные старческой гречкой руки муллы.

По дороге к себе домой Джалиль сидел рядом с Мариам на заднем сиденье, обнимал за плечи.

– Ты можешь жить со мной, Мариам-джо. Я уже распорядился подготовить для тебя комнату на втором этаже. Тебе понравится. Окна выходят прямо в сад.

Впервые Мариам слушала его ушами Наны. Вся фальшь и неискренность его слов, прежде глубоко укрытые, всплыли на поверхность. Она видеть его не могла.

Когда машина прибыла на место, водитель распахнул им дверь, вынул из багажника чемодан. Джалиль, придерживая девочку за плечи, вошел с ней в ту самую калитку, рядом с которой Мариам спала на улице каких-то два дня тому назад. Как она мечтала пройтись с отцом по саду, все бы отдала за такую прогулку! Да она ли это была? Как стремительно поменялась ее жизнь! В мгновение ока все полетело вверх тормашками.

Она шла по серой, посыпанной гравием дорожке, низко опустив голову. Рядом было множество людей – она знала это, – они шушукались, беспокойно шевелились, смотрели на нее во все глаза. Казалось, все окна в доме так и уставились на нее – она чувствовала на себе любопытные взгляды.

Даже войдя в дом, Мариам по-прежнему смотрела себе под ноги. Перед глазами у нее разматывался красно-коричневый палас в желто-синих восьмиугольниках, мелькали мраморные подножия статуй, нижние половинки ваз, бахрома ковров на стенах. К ступенькам широкой лестницы гвоздиками был приколот еще ковер, карминно-красный, тоже весь в восьмиугольниках.

Когда они поднялись, Джалиль свернул налево, провел ее по длинному коридору и распахнул одну из многочисленных дверей.

⁶ Коран, сура 67, аяты 1 и 2. Перевод акад. И. Ю. Крачковского.

– Твои сестры Нилуфар и Ати иногда играют в этой комнате. Но вообще-то она предназначена для гостей. Тебе будет тут удобно. Мило здесь, правда?

Узор на покрывале кровати напоминал пчелиные соты. Такой же рисунок был на отдернутых шторах. Из окна открывался чудесный вид на сад. Рядом с кроватью поместили комод с тремя выдвижными ящиками, на комод стояла ваза с цветами. Стены украшали полочки и оправленные в рамки фотографии незнакомых людей. На одной из полочек сверкала яркими красками целая компания кукол одинаковой формы и расцветки, но разного размера – одна меньше другой.

Джалиль поймал ее взгляд.

– Такие куклы называются «матрешки». Я привез их из Москвы. Если хочешь, можешь с ними поиграть. Никто не будет возражать.

Мариам села на кровать.

– Тебе что-нибудь надо? – поинтересовался Джалиль.

Мариам легла и закрыла глаза.

Немного погодя Джалиль тихонько притворил за собой дверь.

Из своей комнаты Мариам не выходила. Ну разве только в туалет. Девушка с татуировкой, та самая, что открыла ей калитку, приносила на подносе еду: кебаб из ягненка, *сабзи*, суп *ош*⁷. Мариам почти ничего не ела. По несколько раз в день заходил Джалиль, присаживался у нее в ногах, спрашивал, не беспокоит ли что-нибудь. «Ты можешь есть внизу со всей семьей», – предложил он как-то, впрочем, безо всякой уверенности в голосе. Когда Мариам отказалась, сказав, что ей удобнее принимать пищу одной, Джалиль поспешил согласиться.

Из окна Мариам безучастно взирала на то, что еще недавно казалось ей самым интересным и желанным зрелищем на свете: на повседневную жизнь семьи Джалиля. Слуги так и сновали туда-сюда. Садовник вечно постригал кусты или поливал растения в оранжерее. К воротам подкатывали сверкающие длинные машины. Из машин выходили мужчины в костюмах, в чапанах и каракулевых шапках, женщины в хиджабах, тщательно причесанные дети. Мариам видела, как Джалиль пожимал гостям руки, как раскланивался с их женами, прижимая руки к груди, и понимала, что Нана говорила правду. Она здесь чужая.

А где я не чужая? Куда мне податься?

Я – все, что у тебя есть в этой жизни. Не будет меня, ты останешься одна-одишенька на всем белом свете.

Словно порыв ветра, сгибающий ивы у их хижины, на Мариам накатывала чернота.

На второй день пребывания в отцовском доме к ней в комнату вошла маленькая девочка.

– Мне надо здесь кое-что взять, – сообщила она.

Мариам села на кровати и прикрыла ноги покрывалом.

Девочка протопала через комнату, открыла дверцу шкафа и достала квадратный ящичек.

– Знаешь, что это такое? – Она сняла с ящичка крышку. – Это граммофон. *Грам-мофон*. На нем можно проигрывать пластинки. Слушать музыку.

– Ты – Нилуфар. Тебе восемь лет.

Девочка улыбнулась. Ну вылитый Джалиль. И такая же ямочка на подбородке.

– А ты откуда знаешь?

Мариам пожала плечами. Не говорить же малышке, что она назвала камень-голыш в ее честь.

– Хочешь послушать песню?

Мариам опять пожала плечами.

⁷ Лапша с бобами, мясом и простоквашей.

Нилуфар включила проигрыватель в розетку, выудила из кармана под крышкой небольшой черный кружок, поставила на вертящийся диск и опустила странную изогнутую штуку. Заиграла музыка.

Я б написал тебе на лепестке цветка,
Нашел бы восхищенные слова,
Ты покорила мое сердце,
Мое сердце.

– Ты слышала уже эту песню?

– Нет.

– Это из одного иранского фильма. Я видела у папы в кинотеатре. А ты не хочешь посмотреть кино?

Мариам и оглянуться не успела, как Нилу-фар уперлась лбом и кулачками в пол, оттолкнулась ногами и – раз! – встала на голову.

– А ты так умеешь?

– Нет.

Нилуфар уже опять стояла на ногах.

– Могу тебя научить. – Девочка смахнула волосы с покрасневшегося лица. – Ты здесь долго будешь жить?

– Не знаю.

– Значит, говоришь, ты мне сестра? А мама сказала – ничего подобного.

– Я никогда такого не говорила, – соврала Мариам.

– Нет, говорила. Только меня это не касается. Сестра ты мне или нет, мне все равно.

Мариам легла.

– Я устала.

– Мама говорит, в твою маму вселился джинн и она лишила себя жизни.

– Довольно! – вскричала Мариам и опомнилась. – Выключи, пожалуйста, музыку.

В этот день ее навестила Биби-джо. Шел дождь. Отдуваясь и гримасничая, толстуха рухнула на стул у постели Мариам.

– Для меня хуже нет сырой погоды, Мариам-джо. Просто наказание Господне. Иди ко мне, дитя мое. Иди к Биби-джо. Только не плачь. Ну же, ну. Бедняжка. *Тси-тси*. Вот ведь горько.

В эту ночь Мариам долго не могла заснуть, смотрела в окно на темное небо, прислушивалась к шагам на первом этаже, к шуму дождя во дворе, к приглушенным голосам за стеной. Стоило ей задремать, как ее разбудили крики. Несколько человек ссорились, только слов было не разобрать. Но голоса были злые, сердитые. Наконец, с грохотом захлопнулась дверь.

На следующее утро прибыл мулла Фатхулла.

Стоило Мариам взглянуть на своего старого друга, на его белую бороду и добрую беззубую улыбку, как глаза снова застлали слезы. Она спрыгнула с кровати, бросилась навстречу мулле, поцеловала ему руку. Мулла, как всегда, поцеловал ее в лоб.

Она пододвинула ему стул.

Фатхулла сел и раскрыл перед ней Коран.

– Пожалуй, не будем менять сложившийся распорядок, а?

– Мулла-сагиб, да не нужны мне больше уроки! Я давно уже знаю наизусть каждую суру и каждый аят из Корана⁸.

⁸ Коран, священная книга мусульман, заключающая в себе откровения, ниспосланные Мухаммаду (Магомету), делится на 114 глав – «сур» (собственно «рядов» – камней в стене); каждая сура состоит из нескольких (от 3 до 286) стихов –

Законоучитель улыбнулся и поднял руки вверх: сдаюсь, мол.

– Пойман на месте преступления. Но какой еще предлог мне придумать, чтобы пови-
даться с тобой?

– Просто приходите, и все. Безо всяких предлогов.

– Ты очень добра ко мне, Мариам-джо.

Мулла протянул ей свой Коран. Как учили, Мариам трижды поцеловала книгу, касаясь обложки лбом после каждого поцелуя, и передала законоучителю обратно.

– Как тебе живется, девочка моя?

– Я стараюсь держаться, – начала было Мариам и смолкла, стараясь проглотить комок в горле. – Но у меня в ушах все звучат слова, которые она сказала мне на прощанье. Она...

– *Ней, ней, ней*, – похлопал ее по коленке мулла Фатхулла. – Твоя матушка – да простит ее Аллах – была беспокойная и несчастливая женщина, Мариам-джо. То, что она сделала над собой, – великий грех. Перед самой собой, перед тобой и перед Господом. Конечно же, все-милостивейший Господь простит ее, но она очень огорчила его. Ведь жизнь священна, и тот, кто отбирает ее, – у другого человека или у себя – совершает великое зло в глазах Господа. Видишь ли... – мулла Фатхулла придвинул свой стул поближе и взял Мариам за руку, – я знал твою матушку задолго до твоего рождения, и она была несчастлива уже тогда. Семя зла было посеяно давно и попало на благодатную почву. Хочу только сказать тебе, что твоей вины в случившемся нет. Ты тут ни при чем, дитя мое.

– Я не должна была уходить. Мне следовало...

– Прекрати. Это пагубные мысли. Слышишь меня, Мариам-джо? Дурные, пагубные. Они несут муку. Вины на тебе нет. Никакой.

Мариам кивнула в ответ.

Как ей хотелось поверить мулле Фатхулле!

Только не верилось.

Прошла неделя. Однажды днем в дверь Мариам постучали. Вошла высокая белокожая женщина с рыжими волосами и необычайно длинными пальцами.

– Меня зовут Афсун, – сказала женщина. – Я – мама Нилуфар. Почему бы тебе не умыться, Мариам, и не спуститься к нам?

Мариам ответила, что лучше останется у себя.

– *На фамиди*, ты не поняла. Тебе *надо* спуститься вниз. У нас есть о чем с тобой погово-
рить. Это очень важно.

7

Джалиль с женами расположились за длинным столом темного дерева. Мариам робко примостилась напротив них. В центре стола стояла ваза с цветами и запотевший кувшин с водой. Рыжеволосая Афсун, мама Нилуфар, восседала по правую руку от мужа, Хадиджа и Нарджис – по левую. На шеях у женщин – не на головах! – были небрежно повязаны тонкие черные платки.

Надо же, что-то вроде траура по Нане. Наверное, только что нацепили. Джалиль велел?

Афсун налила из кувшина воды в стакан и поставила перед Мариам на клетчатую салфетку.

– Еще весна не закончилась, а уже такая невыносимая жара.

И Афсун помахала ладонью перед лицом.

– Тебе удобно у нас? – У Нарджис маленький подбородок и курчавые черные волосы. – Надеемся, тебе у нас уютно. Это... тяжкое испытание... тебе, наверное, очень трудно. Очень непросто.

Прочие жены насупили брови и сочувственно закивали.

В голове у Мариам шумело, в горле пересохло. Она отпила из стакана.

За окном в саду (как раз за спиной у Джалиля) цвели яблони. На стене у окна висел черный деревянный шкафчик – футляр для часов и оправленной в рамку фотографии. С нее скалили зубы отец семейства и три мальчика. В руках все четверо держали огромную рыбу, чешуя так и сверкала на солнце.

– Значит, так, – начала Афсун. – Я... то есть мы... пригласили тебя сюда, чтобы поделиться радостным известием.

Мариам подняла глаза и заметила, что женщины переглянулись. Джалиль невидящим взглядом уставился на кувшин с водой. К Мариам обратилась Хадиджа (наверное, все было оговорено заранее), с виду самая старшая:

– У тебя есть жених.

Внутри у Мариам все оборвалось.

– Есть... что? – выговорила она непослушными губами.

– *Хастегар*. Жених. Его зовут Рашид. Его хорошо знает деловой партнер твоего отца. Рашид – пуштун, он родился в Кандагаре, но живет в Кабуле, в районе Дих-Мазанг. У него свой двухэтажный дом.

Афсун кивнула, подтверждая слова Хадиджи.

– И он говорит на фарси, как все мы. Тебе не придется учить пуштунский, – добавила она.

Комната крутилась у Мариам перед глазами, пол под ногами ходил ходуном.

– Рашид – сапожник, – опять взяла слово Хадиджа. – Только он не обычный уличный *мучи*, нет-нет. У него свой магазин, и он один из самых востребованных мастеров в Кабуле. У него заказывают обувь дипломаты, члены семьи президента – словом, важные лица. Так что ему есть на что содержать жену.

Мариам испытующе смотрела на Джалиля. Сердце у нее так и прыгало.

– Это правда? То, что она говорит, – правда?

Но Джалиль даже не взглянул на нее. Закусив губу, он не отрывал глаз от кувшина.

– Он, конечно, постарше тебя, – заговорила Афсун. – Ему... чуть за сорок. Самое большее – сорок пять. Скажи, Нарджис.

– Да-да. При мне девятилетних девочек выдавали за мужчин на двадцать лет старше твоего жениха, Мариам. Да и нам всем доводилось такое видеть. Сколько тебе лет, пятнадцать? Вполне созрела. В самый раз для невесты.

Женщины оживленно закивали. А как же сестры Мариам, Сайдех и Нахид? Им ведь тоже по пятнадцать. И обе они учатся в женской школе «Мехри» и собираются поступать в Кабульский университет. Вот они, наверное, еще не вполне созрели. Для замужества.

– Больше тебе скажу, – продолжала Нарджис, – его тоже постигли потери. Десять лет назад умерла при родах его жена. А три года тому назад его сын утонул в озере.

– Очень, очень печально. Он несколько лет искал себе жену, но подходящая все не попадалась.

– Я не хочу. – Мариам глаз не спускала с Джалиля. – Я не хочу замуж. Не заставляйте меня.

Надо требовать, а она просит! Да так жалобно!

– Веди себя разумно.

Мариам даже не обратила внимания, кто из женщин произнес эти слова. Она ждала, что скажет Джалиль.

Ведь не может же все это быть правдой!

– А то как бы тебе не пришлось всю жизнь прожить здесь!

– Ты что, не хочешь, чтобы у тебя была своя семья?

– Свой дом, дети?

– Под лежащий камень вода не течет.

– Конечно, лучше выйти за местного, за таджика, но у Рашида со здоровьем все в порядке, и ты ему интересна. У него есть дом и работа. Это самое важное, ведь так? А Кабул – прекрасный, потрясающий город. Нельзя упускать такую возможность. Другой такой может и не представиться.

– Я буду жить у муллы Фатхуллы. – Теперь Мариам обращалась к женам. – Он меня приютит. Я знаю.

– И что хорошего? – поинтересовалась Хадиджа. – Он – старик, и он...

Хадиджа никак не могла подобрать нужное слово, и Мариам закончила про себя: «... живет слишком близко от нас». Она поняла, что крылось за словами «другой такой возможности тебе может и не представиться». И им тоже. Ее рождение было для них бесчестьем, и они хотели избавиться от нее раз и навсегда, стереть саму память о постыдном поступке мужа. Ведь она – живое воплощение их позора. Нет, ее надо сослать подальше.

– Он – старик, и он уже дряхлый. А что ты будешь делать, когда он умрет? Станешь обузой для его семьи?

«Как сейчас ты обуза для нас», – договорила за нее Мариам. Да тут и договаривать-то было почти нечего.

Мариам попробовала представить себя в Кабуле, огромном чужом многолюдном городе, до которого, как ей как-то сказал Джалиль, от Герата шестьсот пятьдесят километров. Целых *шестьсот пятьдесят*. От своей хижины она в жизни не отходила дальше двух километров, и то только в тот день, когда ей вздумалось наведаться к Джалилю. Как ей жить в Кабуле, так невообразимо далеко, в доме чужого мужчины, чьи прихоти ей придется выполнять? Убирать за ним, стирать за ним, готовить? Да и прочие обязанности – Нана рассказала ей, каких гадостей мужа требуют от жен. От одной мысли об этом Мариам бросило в дрожь.

Она опять повернулась к Джалилю:

– Скажи им. Скажи, что ты запрещаешь поступать так со мной.

– Вообще-то твой отец уже дал жениху ответ, – заметила Афсун. – Рашид в Герате, приехал из самого Кабула. Ника⁹ состоится завтра утром, автобус отъезжает в Кабул в середине дня.

– Скажи им! – закричала Мариам.

Женщины затихли и тоже уставились на Джалиля. В комнате стало очень тихо.

⁹ Обряд принесения клятвы вступающими в брак.

Джалиль вертел на пальце обручальное кольцо. Лицо у него было беспомощное, растерянное.

Часы в шкафчике на стене громко тикали.

– Джалиль-джо? – нарушила молчание какая-то из жен.

Джалиль медленно поднял глаза, посмотрел на Мариам и потупился.

Стон его был полон боли. Но никаких слов не последовало.

– Скажи хоть что-нибудь, – прошептала Мариам.

– Будь все проклято, – тоненьким, дрожащим голосом произнес Джалиль. – Не поступай так со мной, Мариам.

Она? С ним?

И напряжение сразу спало.

Жены опять взялись расписывать достоинства жениха. Мариам смотрела в пол. В ее глазах отражались изысканные изгибы ножек стола, темная блестящая столешница. Полированная поверхность при каждом выдохе затуманивалась – и легкая дымка сразу исчезала, чтобы немедля появиться вновь.

Наверх ее провожала Афсун.

Дверь за ней захлопнулась. Со скрежетом повернулся ключ в замочной скважине.

8

Наутро Афсун вручила Мариам изумрудное платье-камиз с длинными рукавами, белые шальвары, зеленый хиджаб и сандалии.

Мариам отвели в уже знакомую комнату. Посередине длинного темного стола стояла ваза с засахаренным миндалем, тут же лежали Коран, зеленая вуаль и зеркало. За столом сидели двое мужчин (по-видимому, свидетели) и мулла, которого Мариам тоже видела впервые в жизни.

Джалиль (коричневый костюм, красный галстук, пушистые волосы только что вымыты) указал ей на стул и попытался ободряюще улыбнуться. Хадиджа и Афсун на этот раз сидели с той же стороны стола, что и Мариам.

Мулла сделал движение головой в сторону вуали, и стоявшая рядом Нарджис моментально нацепила ее на Мариам.

– Позовите его, – велел кому-то Джалиль.

Мариам еще не видела жениха, а уже чувствовала чужой густой запах табачного дыма и сладкого одеколона. От Джалиля так никогда не пахло. На пороге комнаты остановился высокий, широкоплечий и пузатый мужчина – такой огромный, что у Мариам дыхание перехватило. В смущении она опустила глаза. Сердце у нее колотилось. Мужчина, тяжело ступая, прошел к столу – ваза с миндалем мелодично звякала в такт его шагам – и опустился на стул рядом с Мариам.

Послышалось сопение.

Мулла приветствовал их и возвестил, что *ника* будет не совсем обычная.

– Насколько я понимаю, Рашид-ага уже приобрел билеты на автобус до Кабула и час отъезда не за горами. Чтобы сберечь время, нам придется пропустить некоторые традиционные звенья обряда.

Мулла вознес благословения, сказал несколько слов о важности брака, спросил Джалиля, не возражает ли тот против заключения супружеского союза. Джалиль отрицательно покачал головой.

А Рашид хочет заключить брачный договор с Мариам?

– Да, – ответил Рашид хриплым грубым голосом.

– А ты, Мариам-джан, принимаешь ли этого человека в мужа?

Мариам молчала. Кто-то закашлялся.

– Принимает, – вмешался женский голос.

– Вообще-то, – возразил мулла, – она сама должна ответить. И не раньше, чем я задам вопрос трижды. Это ведь он просит ее руки, а не наоборот.

И мулла задал свой вопрос еще дважды, с каждым разом все более возвышая голос. Джалиль беспокойно пошевелился на своем месте, зашаркал под столом ногами. Кашляло уже несколько человек.

Маленькая белая рука смахнула со стола пылинку.

– Мариам, – шепнул Джалиль.

– Да, – произнесла Мариам дрожащим голосом.

Вот зеркало уже и под вуалью. Сперва Мариам увидела в нем себя: неровные брови, жидкие волосы, печальные зеленые глаза (посаженные так близко, что ее можно было принять за косую), нечистая пористая кожа. Лоб у нее был слишком широкий, подбородок – чересчур узкий, губы – не в меру тонкие, а все лицо – длинное и заостренное.

И все-таки, пусть и не красавица, она была мила.

В зеркале Мариам впервые хорошенько разглядела Рашида: добродушно-хитрое квадратное лицо, крючковатый нос, налитые кровью глаза, багровые щеки, выступающие вперед

два передних зуба, необычно низкий лоб, не шире двух пальцев, густые кустистые брови, толстые темные волосы с проседью.

В зеркале их взгляды на мгновение встретились.

Это мой муж, поразила Мариам.

Они обменялись золотыми кольцами, которые Рашид выудил из кармана пиджака. Ногти у него были желто-коричневые, словно сердцевина подгнившего яблока, кончики ногтей изломаны. Руки у Мариам так тряслись, что кольцо ему на палец она без посторонней помощи надеть не смогла. А ее кольцо оказалось узковато, но Рашид надвинул его одним быстрым движением.

– Готово, – прохрипел Рашид.

– Какое красивое колечко, – подала голос какая-то из жен. – Очень, очень миленькое.

– Теперь остается только подписать договор, – рек мулла.

Мариам поставила свою подпись – *мим, ра, йа* и опять *мим*. Все присутствующие не сводили глаз с ее рук.

В следующий раз подписывать документ ей доведется через целых двадцать семь лет – и опять в присутствии муллы.

– Отныне вы муж и жена, – торжественно произнес мулла. – *Табрик*. Поздравляю.

Рашид уже сидел в раскрашенном яркими красками автобусе, курил – сигаретный дымок завивался спиралькой из раскрытого окна. Мариам стояла с Джалилем у заднего бампера. Люди вокруг прощались, жали друг другу руки, целовали Коран, держали священную книгу над головами близких. В толпе шныряли босоногие мальчишки с лотками, полными жевательной резинки и сигарет.

Джалиль соловьем разливался про Кабул. Ну до того красивое место, что сам Бабур, глава Могольской империи, распорядился похоронить его здесь. Сейчас речь Джалиля (Мариам знала) плавно перейдет на кабульские пышные сады, богатые лавки, полезный для здоровья горный воздух – и потом автобус тронется и увезет с собой Мариам. А Джалиль помашет ей ручкой и пойдет себе прочь, как ни в чем не бывало.

Такого Мариам допустить не могла.

– Я молилась на тебя, – выпалила она.

Джалиль смолк на полуслове, зачем-то прижал руки к груди. Супруги-индусы – жена с ребенком, муж с чемоданом – с извинениями протиснулись мимо. Джалиль вежливо улыбнулся им в ответ.

– По четвергам я дожждаться тебя не могла. Все волновалась, не случилось ли с тобой чего, придешь ли ты.

– Дорога дальняя. Съешь что-нибудь. Купить тебе сыра и хлеба?

– Я только о тебе и думала. Я молилась, чтобы ты дожил до ста лет. Я знать не знала, что я – твой стыд и позор.

Джалиль потупил взор и – словно мальчишка-переросток – стал ковырять землю носком ботинка.

– Оказывается, ты всю жизнь стыдился меня.

– Я приеду к тебе, – пробормотал Джалиль. – Я буду навещать тебя в Кабуле. Мы...

– Нет. Ни за что. Не приезжай. Не хочу о тебе больше слышать. *Никогда*.

Он умоляюще посмотрел на нее.

– Между нами все кончено. Прощай.

– Так нельзя, – пискнул Джалиль.

– Ты бы хоть для приличия дал мне время попрощаться с муллой Фатхуллой.

Мариам повернулась и зашагала сквозь толпу к автобусу. Джалиль не издавал ни звука. Уже у раздвижных дверей она услышала его голос:

– Мариам-джо.

Она вспрыгнула на ступеньку и пошла по салону к своему месту рядом с Рашидом. Краем глаза она видела, что Джалиль идет по тротуару вдоль автобуса, но даже не повернула головы.

Джалиль забарабанил в стекло. Мариам бровью не повела.

Автобус рывком тронулся с места. Некоторое время Джалиль бежал за ним. Потом его заволокло пылью.

Мариам не хотела всего этого видеть.

И не увидела.

Рашид опустил стекло и накрыл ее руку своей, большой и толстой.

– Ну вот, девочка. Вот. Вот, – все повторял он, глядя на Мариам.

Хоть бы в окно взглянул.

9

К дому Рашида они подошли во второй половине следующего дня.

– Вот мы и в Дих-Мазанге, – прохрипел Рашид. В одной руке он держал чемодан, а второй открывал деревянную калитку. – Это юго-западная часть города. Рядом зоопарк. И до университета недалеко.

Мариам устало кивнула. Все-таки ей приходилось напрягаться, чтобы понять кабульский выговор мужа. Да тут еще его пуштунский акцент. Ведь в его родном Кандагаре все говорят на пуштунском.

А он, казалось, без труда понимал ее гератский фарси.

Мариам быстро оглядела узкую незамошенную улицу, тесно стоявшие дома из обожженного кирпича, заборы, за которыми прятались дворы, плоские крыши. Некоторые дома были саманные и серым своим цветом напоминали горы, кольцом окружавшие город. По обеим сторонам улицы тянулись сточные канавы, полные мутной воды. Тут и там громоздились кучи мусора.

Дом Рашида был двухэтажный, выкрашенный в синий цвет. Краска давным-давно выцвела. Двор порос пожелтевшей травой. Справа к дому примыкал сарай, слева виднелся колодец с ручным насосом, высаженные в ряд чахлые деревца. Под навесом, прислоненный к стене дома, стоял велосипед.

– Твой отец сказал, ты любишь рыбалку, – сказал Рашид. – К северу от нас есть реки. Рыбы полно. Я тебя как-нибудь отвезу.

И он отомкнул входную дверь и впустил Мариам в дом.

Конечно, у Джаилия дом куда больше. Но против хижины, где они обитали с матерью, это были хоромы. На первом этаже помещались передняя, гостиная и кухня. Рашид сразу показал ей кастрюльки, сковородки, скороварку, керосинку-*шитон*. В гостиной бросился в глаза кожаный зеленый диван с тщательно зашитым разрезом на боку. Еще тут имелись стол, два плетеных кресла, два складных стула, черная чугунная печька в углу. И голые стены.

Стоя посреди гостиной, Мариам осматривалась. У себя в домике она легко могла дотянуться до потолка. По солнцу, косые лучи которого проникали в окно, можно было определить время. Мариам четко знала, на сколько приоткроется дверь, прежде чем раздастся скрип. Ей хорошо были знакомы каждый скол и каждая трещинка на тридцати половицах. Со смертью матери все, к чему она привыкла, куда-то кануло. Она в чужом городе, и от прежней жизни ее отделяют высокие горы, глубокие ущелья и пустынные равнины. В чужом доме за темно-зелеными занавесками, где пахнет табачным дымом и полно незнакомых предметов, ей и до потолка-то не достать.

И зачем ей такой простор, если он ее душит?

Мариам пронзила острая тоска по Нане, по мутле Фатхулле, по всей своей прежней жизни.

И она заплакала.

– С чего это вдруг? – недовольно спросил Рашид, полез в карман штанов, достал носовой платок, втиснул в руку Мариам, потом прислонился к стене и закурил, не спуская с жены глаз.

Мариам прижала платок к глазам.

– Прошло?

Мариам молча кивнула.

– Точно?

– Да.

Он взял ее под руку и подвел к окну гостиной.

– Выходит на север. – Рашид постучал по стеклу скрюченным указательным пальцем. – Прямо перед нами гора Асмаи – видишь? – а слева гора Али Абад. У ее подножия находится университет. К востоку от нас – отсюда не видно – горный хребет Ширдарваза. Каждый день ровно в полдень оттуда стреляет пушка... Немедля прекрати реветь. Я терпеть не могу слез.

Мариам еще раз вытерла глаза.

– Совершенно не выношу женского плача. Ты уж извини. Рыдания выводят меня из себя.

– Хочу домой, – всхлипнула Мариам.

Рашид раздраженно вздохнул. На Мариам так и понесло табаком.

– На этот раз обижаться не буду.

Он опять взял ее под руку, и они отправились наверх.

Узкий темный коридор и две спальни. Дверь в ту, что побольше, распахнута настежь. Обстановка довольно скудная – как и во всех прочих помещениях в доме. Кровать под коричневым покрывалом, комод, платяной шкаф. На стенах ничего, только маленькое зеркало.

Рашид захлопнул дверь.

– Это – моя комната. А ты будешь жить в гостевой. Ты, надеюсь, не против? Я привык спать один.

Мариам с трудом сдержала вздох облегчения.

Ее комната оказалась невелика размером, не то что у Джаилия, из мебели – только кровать и два старых шкафа, поменьше и побольше. Окно во двор, из-за забора виден кусок улицы.

Рашид поставил ее чемодан в угол.

Мариам присела на кровать.

– А ты и не заметила, – с упреком произнес Рашид. Чтобы пройти в дверь, ему пришлось нагнуться. – Посмотри на окно. Знаешь, как они называются? Я купил их перед отъездом в Герат.

Только сейчас Мариам заметила на подоконнике корзину с белыми туберозами.

– Тебе нравится? Ты рада?

– Да.

– Так поблагодари меня.

– Извини. Спасибо. *Ташакор*.

– Ты вся дрожишь. Ты меня боишься? Я тебе страшен?

В его словах Мариам слышалась игривость, лукавинка. Она поспешно затрясла головой.

Вот и первая ложь за время их супружества.

– Нет? Это хорошо. Для тебя хорошо. Так что теперь это – твой дом. Ты его полюбишь. Я тебе говорил, что у нас проведен свет? По ночам электричество есть всегда. Днем вот иногда отключают.

Он глубоко затаился и сделал такое движение, будто собирался выйти. Но так и не собрался.

Мариам думала, он скажет что-то еще.

Но Рашид постоял, подумал. И удалился.

Дверь хлопнула. Мариам осталась одна со своим чемоданом и со своими цветами.

10

Первые несколько дней Мариам почти не выходила из своей комнаты. На рассвете при звуках далекого *азана*¹⁰ она просыпалась, молилась и снова проскальзывала в теплую постель. Когда Рашид, умывшись, заглядывал к ней в комнату, перед тем как отправиться в мастерскую, она еще лежала. В окно она видела, как он проходит по двору, крепит к багажнику велосипеда узелок с обедом, выкатывает велосипед на улицу, садится и уезжает.

Днем Мариам редко поднималась с кровати. Когда становилось особенно тоскливо и одиноко, она спускалась в кухню, к замызганному, в жирных пятнах, столу, к пластиковым занавескам в цветочек, от которых почему-то пахло паленым, выдвигала ящики, перебирала разнокалиберные ложки и ножи, лопаточки и сита – все, что должно было теперь составлять важную часть ее повседневной жизни, но лишь напоминало о том, какая ее постигла катастрофа и насколько ей все вокруг чуждо.

Там, в хижине, ей хотелось есть в определенное время. Здесь голод приходил к ней очень редко. Ей хватало остатков риса и кусочка черствого хлеба. Из гостиной были видны крыши одноэтажных домишек на их улице. В соседних дворах женщины развешивали белье, баюкали детей, куры разгребали пыль, жевали свою вечную жвачку привязанные к деревьям коровы.

Ей вспоминались летние ночи в Гуль-Дамане, такие душные, что рубашка прилипала к телу. Они с Наной отправлялись спать на плоскую крышу своего саманного домика, и яркая луна освещала их. Ей вспоминались зимние утра, когда они в хижине читали священную книгу с муллой Фатхуллой, треск падающих с деревьев сосулек, карканье ворон с заснеженных веток.

Мариам слонялась по дому: из кухни в гостиную, потом наверх к себе, обратно вниз по лестнице – и так много раз. Утомившись, она опускалась на колени, а помолвившись, падала на кровать и давала волю печали и скуке.

На закате Мариам делалось особенно плохо. Зубы у нее начинали выбивать дробь при одной мысли о том, что сегодня вечером Рашиду вдруг взбредет наконец в голову взяться за исполнение супружеского долга. Вся дрожа, она лежала в постели и ждала, когда муж отужинает.

После ужина Рашид обязательно к ней заглядывал.

– Как, ты уже спишь? Не может быть! Еще и семи нет. Проснулась? Ну-ка, отвечай мне.

Он не успокаивался, пока Мариам не отвечала из тьмы спальни:

– Я здесь.

В дверном проеме виднелись очертания его фигуры, большое тело, длинные ноги, крючковатый нос. Неизменная сигарета в зубах то разгоралась, то гасла. Он рассказывал ей, как прошел день. Замминистра иностранных дел оплатил пару мокасин – он заказывает обувь только у Рашида. Польский дипломат с женой заказали сандалии. Рашид расписывал Мариам суеверия, связанные с обувью: нельзя класть ее на кровать – накличешь смерть, не годится обуваться, начиная с левой ноги, – навлечешь ссору.

– Ну разве что сделал это в пятницу и не нарочно, – усмехался Рашид. – И еще плохая примета связывать шнурки вместе и вешать ботинки на гвоздь.

Сам Рашид во все эти плохие приметы не верил – бабьи бредни, больше ничего.

Еще Рашид пересказывал жене разные новости. Вот, например, американский президент Ричард Никсон подал в отставку в связи со скандалом.

Мариам помалкивала – она понятия не имела, кто такой Никсон и что за скандал заставил его уйти с поста, – и не могла дожидаться, когда муж закончит болтать, затушит сигарету

¹⁰ Призыв к правоверным преклонить колени и вознести молитву.

и удалится. Стальные пальцы, схватившие сердце, разжимались, только когда внизу хлопала дверь его комнаты.

Но однажды вечером он погасил сигарету – и не ушел.

– Ты когда-нибудь разберешь свой чемодан? Пора бы уже перестать тосковать, привыкнуть. Целая неделя прошла, а ты... С завтрашнего дня води себя как жена. *Фамиди*? Поняла?

Зубы у Мариам застучали.

– Отвечай же!

– Да, поняла.

– Вот и чудесно. Что ты себе вообразила? Что у меня здесь гостиница? Что я соержу постоялый двор? Господи... что я говорил про слезы? Мариам! Ты слышала, что я сказал насчет слез?

На следующее утро, как только Рашид ушел на работу, Мариам распаковала свои вещи, повесила их в шкаф, принесла из колодца ведро воды, вымыла окна своей комнаты и гостиной на первом этаже, помыла пол, смахнула из углов паутину и проветрила дом.

Потом она замочила в горшке чечевицу, порезала морковь и картошку и тоже погрузила в воду. В уголке кухонного шкафа за грязными банками из-под специй нашлась мука, и Мариам замесила тесто, тщательно размяла, как учила ее Нана, потом завернула в мокрую тряпочку, набросила на голову хиджаб и отправилась в пекарню.

Рашид объяснил ей, где находится пекарня для жителей – пройти по улице, свернуть налево и сразу направо. Но его объяснения Мариам негодились – в нужное ей место направлялась целая толпа женщин и детей, и Мариам просто последовала за ними. Рубашки на мальчишках были латанные-перелатанные, штаны слишком маленькие или чересчур большие, ремешки на сандалиях истрепанные или вовсе оборванные. Некоторые палками катили перед собой старые ржавые обручи.

Их матери шли кучками по три-четыре человека (кое-кто в *бурках*¹¹, кое-кто – нет), весело переговаривались, громко смеялись. Хотя, казалось, радоваться было нечему – с уст у женщин не сходили больные дети и ленивые, нерадивые мужья.

– Если бы еда сама себя готовила!

– Господи ты боже мой, ни минуты покоя!

– А он мне тогда и говорит: клянусь, это правда...

Почти одни и те же слова повторялись на разные лады на пути к пекарне и в очереди к тандыру. У кого-то муж играл в азартные игры. У кого-то всем заправляла свекровь, а жене муж не давал ни рупии. Мариам только удивлялась про себя: как это получилось, что всем до единой достались такие ледащие мужья? Или это просто бабьи разговоры, своеобразный незнакомый ей ежедневный ритуал вроде замачивания риса или замешивания теста? И скоро она сама точно так же даст волю язычку?

Стоя в очереди, Мариам чувствовала на себе любопытные взгляды, слышала шепоток за спиной. У нее вспотели ладони – вдруг все вокруг уже знают, что она харами, позор для отца и всей семьи, предавшая свою мать и обесчестившая себя?

Уголком хиджаба Мариам вытерла капельки с верхней губы и постаралась взять себя в руки.

Вроде получилось.

И тут кто-то хлопнул ее сзади по плечу.

¹¹ Она же паранджа или чадра – самый радикальный способ сокрытия женской красоты. Экзотическое одеяние свободного покроя и яркой расцветки, укутывает женщину с головы до пят. В области глаз находится «смотровое окошко», забранное матерчатой сеточкой.

Мариам обернулась. Рядом с ней стояла толстенная светлокожая женщина с темными, коротко стриженными кудряшками и круглым веселым лицом. На голове у нее тоже был хиджаб. Рот у женщины был куда более пухлый, чем у Мариам, на подбородке у чуть отвисшей нижней губы темнела большая родинка, зеленоватые глаза искрились дружелюбием.

– Ты ведь новая жена Рашид-джана? – широко улыбнулась круглолицая. – Из Герата приехала? Какая ты молоденькая! Тебя зовут Мариам-джан, да? А я Фариба, живу за пять домов от вас на той же улице, у нас калитка – зеленая. А это мой сын Ноор.

У мальчика было живое веселое лицо и черные вьющиеся волосы, в точности как у матери.

– *Салам, Хала-джан*¹².

– Ноору десять лет. Его старшего брата зовут Ахмад.

– Ему тринадцать, – сообщил Ноор.

– А еще одному мальчику – сорок. – Фариба засмеялась. – Мужа моего зовут Хаким. Он учитель в Дих-Мазанге. Загляни к нам как-нибудь, выпьем по чашечке чаю...

Словно по команде женщины обступили Мариам.

– Значит, ты – юная жена Рашид-джана...

– Как тебе Кабул?

– А я была в Герате. У меня там двоюродный брат.

– Кого ты хочешь первенцем – мальчика или девочку?

– Какие там минареты! Какая красота! Герат – замечательный город.

– Лучше мальчика, Мариам-джан, он сохранит имя рода...

– Ба! Мальчишка женится – и был таков. А девочка останется с тобой, будет опорой в старости...

– Мы слышали о вашем приезде.

– Рожай двойню! Мальчика и девочку! И все будут довольны.

Мариам попятилась. Дыхание у нее прерывалось, в ушах звенело, чужие лица расплывались перед глазами. Еще несколько шагов назад... Только отступать некуда, она в кольце.

Мариам умоляюще посмотрела на Фарибу. Та все поняла.

– Вот ведь набросились! Дайте ей пройти! Вы ее напугали!

Крепко прижав к груди шматок теста, Мариам двинулась прямо на обступившую ее толпу.

– Ты куда, *хамшира*?

Как только вокруг нее стало свободнее, Мариам сорвалась с места и побежала по улице. Только не туда, куда надо, – она поняла это на первом же перекрестке. Мариам повернулась и, низко опустив голову, бросилась назад. И – надо же! – на виду у всех споткнулась, упала и расквасила колено.

– Ты не ушиблась, хамшира?

– Да у тебя кровь!

Мариам вскочила и, прихрамывая, побежала дальше.

Поворот.

Еще поворот.

Вот она, их улица. Только где дом Рашида?

Мариам охватило отчаяние, на глаза навернулись слезы.

Попробовать сунуться наугад?

Эта калитка заперта. Эта открыта, но двор явно чужой. А здесь собака и куры, а у них нет никаких животных.

Вот вернется муж с работы, а жена собственный дом не может отыскать!

¹² Обращение, соответствующее русскому «тетя».

Мариам заплакала, забормотала молитвы.
Это – чужой дом. И это – чужой. А вот...
Сарай. Навес. Колодец.
Нашла!
Слава Аллаху!

Мариам захлопнула за собой калитку, повернула щеколду и, тут же у стены, осела на землю.

Никогда еще ей не было так одиноко.

В тот вечер Рашид пришел домой с каким-то свертком в руках. На чистые окна и вымытый пол он не обратил никакого внимания – Мариам даже расстроилась. А вот то, что обед его уже ждал, явно пришлось ему по душе.

– Я приготовила *даал*¹³, – похвасталась Мариам.

– Отлично. Я голоден.

Рашид умылся – Мариам полила из кувшина ему на руки, – а пока он вытирался, дымящаяся чашка *даала* и тарелка рассыпчатого белого риса уже стояли на чистой скатерти, расстеленной на полу в гостиной. Впервые Мариам приготовила мужу поесть – только вот была сама не своя, пока готовила, вся тряслась мелкой дрожью, так подействовал на нее случай у пекарни, и вполне могла переложить в кушанье имбиря или куркумы.

Рашид погрузил ложку в золотистую чечевицу. Мариам затаила дыхание.

Что, если ему не понравится и он со злостью оттолкнет тарелку?

– Горячо, – пролепетала она. – Осторожнее.

Рашид вытянул губы трубочкой и подул на ложку, потом с опаской попробовал.

– Вкусно. Немного недосолено, ну да ничего. Просто отлично.

Мариам захлестнула волна самодовольной гордости. У нее получилось вкусно. *Просто отлично*, сказал он. Мариам сама удивилась, какую радость доставила ей похвала. На душе сразу стало легче.

– Завтра пятница, – сказал Рашид. – Могу показать тебе город. Что скажешь?

– Ты про Кабул?

– Нет. Про Калькутту.

Мариам недоуменно заморгала.

– Шучу. Конечно, про Кабул. Про что же еще? – Он взял в руки сверток. – Но сперва мне надо поговорить с тобой.

И Рашид достал небесно-голубую бурку.

– У меня есть заказчики, мужчины. Они заходят ко мне в лавку вместе с женами. Их женщины ходят с открытыми лицами, говорят со мной, глядят мне в глаза без капли стыда. У них намазаны губы и подведены глаза, они носят юбки выше колен. Порой приходится снимать с них мерку, и они спокойно позволяют мне касаться своих ног. А мужья – ничего, стоят рядом и смотрят, как посторонний мужчина гладит жену по голым ногам. Думают, они очень современные, очень образованные и умные, и не видят, как своим поведением выставляют на поругание свои *нанг* и *намус* – честь и гордость.

Рашид осуждающе покачал головой.

– Обычно это люди из богатых районов Кабула. Мы завтра с тобой там будем, сама увидишь. Но такие слюнтяи живут и по соседству с нами. На нашей улице. Жена учителя Хакима Фариба шляется по городу в одном платке на голове. Противно видеть, честное слово, как жены ни во что не ставят своих мужей.

Он сурово посмотрел на Мариам.

¹³ Чечевица с овощами и пряностями.

– Но я – не из той породы. У меня на родине один косой взгляд, одно неправильное слово – и кровь пролилась. В местах, откуда я родом, смотреть на лицо женщины вправе только муж. Помни об этом. Ты поняла?

Мариам кивнула и взяла из рук у мужа бурку.

Вся радость, что он похвалил ее стряпню, куда-то улетучилась. Сделалось зябко. Воля мужчины представилась ей чем-то каменным, непоколебимым, вот словно горный хребет Сафедкох, заслоняющий полнеба.

– Значит, с этим все ясно. А теперь положи-ка мне добавки.

11

Мариам надевала бурку впервые в жизни. Хорошо, что ей помогал Рашид. Головной убор оказался тяжелым и тесным, и было ужасно непривычно смотреть на мир через сетку. Мариам попробовала пройти в новом наряде по комнате. Оказалось, она все время наступает на длинный подол и спотыкается, а накидка лезет в рот.

– Ничего, привыкнешь со временем, – успокоил муж. – Еще успеешь полюбить этот наряд.

До парка Шаринау (так называл это место Рашид) они добрались на автобусе. Дети качались на качелях, перебрасывали мячик через старенькую сетку, натянутую между деревьями, запускали воздушных змеев. Мариам мелко семенила рядом с мужем, то и дело спотыкаясь. Обедать они отправились в кебабную, расположенную рядом с мечетью Хаджи Яку-ба. Пол в заведении был липкий, пахло дымом и сырым мясом, громко играла музыка. Худенькие мальчишки-повара ловко вертели шампуры одной рукой и били мух с комарами другой. Мариам поначалу показалось странным сидеть в комнате, битком набитой чужими, незнакомыми людьми. А чтобы положить кусок в рот, приходилось приподнимать край накидки, что тоже было непривычно. Робость, как тогда, у пекарни, время от времени шевелилась где-то внутри, но рядом был Рашид, и вскоре музыка, дым и даже толпа уже не раздражали. А в бурке и в самом деле было удобно: она укрывала тебя от посторонних любопытных глаз – ты все видишь, а тебя не видно. И никто уже с ходу не определит наметанным взглядом, какие у тебя в душе скрыты позорные тайны.

Когда они гуляли по улицам, Рашид называл жене все мало-мальски известные здания, попадавшиеся им на пути. Вот это – американское посольство, а это – министерство иностранных дел. Марки автомобилей он тоже называл. Это – «Волга», выпускается в Советском Союзе. «Шевроле» производится в США. «Опель» – немецкая машина.

– Какой автомобиль тебе больше понравился? – спросил он.

Помедлив, Мариам указала на «Волгу». Рашид засмеялся.

Конечно, Кабул оказался не то что Герат, точнее, тот кусок Герата, который Мариам успела увидеть. Деревьев здесь было меньше, как и повозок, запряженных лошадьми, зато автомобилей – больше. Здания были выше, на перекрестках стояли светофоры, а улицы были по большей части замощены. И говор казался странным. «Джан» вместо «джо» (дорогой, дорогая), «хамшира» вместо «хемишири» (сестра).

Рашид купил у уличного торговца мороженое. Ничего вкуснее Мариам в жизни не ела и в мгновение ока уплела весь рожок – от тертых фисташек, которыми лакомство было присыпано сверху, до рисовых шариков, выстилающих дно.

Они шагали по *Коче-Морга*, Куриной улице, узкому, запруженному торговцами и покупателями проезду. По словам Рашида, это была чуть ли не самая богатая часть Кабула.

– Здесь живут иностранные дипломаты, состоятельные купцы, члены королевской семьи. Не нам с тобой чета.

– А где же куры? – спросила Мариам.

– Вот уж этого добра на Куриной улице днем с огнем не сыщешь, – засмеялся Рашид.

Со всех сторон им наперебой предлагали каракулевые шапки, разноцветные чапаны, ковры. В одной лавке Рашида заинтересовал серебряный гравированный кинжал, торговец рядом расхваливал старое ружье – как он уверял, реликвию времен первой войны с Британией.

– Ну да, конечно. Тогда я – Моше Даян, – пробурчал про себя Рашид, чуть заметно улыбаясь Мариам, ей одной, и никому больше. Только жены могут постичь смысл такой тайной усмешки.

Мелькали лавки ремесленников, лотки со сладостями, с цветами, мужские и женские портновские мастерские. За кружевными занавесками юные девушки пришивали пуговицы, разлаживали утюгами воротнички. Рашид то и дело приветствовал знакомых лавочников, порой на фарси, порой на пушту. Пока мужчины лобызались и жали друг другу руки, Мариам скромно стояла в сторонке. Рашид ни разу не подозвал ее к себе и не представил друзьям.

У лавки с вышивками Рашид велел жене обождать.

– Владелец – мой знакомый. Я через минуту вернусь, только передам ему свой *салам*.

Мариам осталась на улице. Вокруг гомонила толпа, вопили лоточники, надрывались клаксоны автомобилей. Только ослики и не думали уступать машинам дорогу. Вот какой-то торговец утомился, закурил. Затылка-другая – и он снова выюном вьется перед покупателями, демонстрируя ткани или меха.

И женщины, что за женщины! Мариам глаз от них не могла оторвать. Особая порода, не то что в их бедном районе. «Современные», вот как Рашид назвал таких дам. А современные афганцы не возражают, чтобы их жены толкались среди посторонних, с накрашенными лицами и непокрытыми головами (порой даже без спутника), и заговаривали с кем ни попадя. Их розовощекие дети (обувь начищена до блеска, на руках сверкают часы на кожаном ремешке) разъезжали на велосипедах с золотыми спицами. Такое колесо и в голову не придет пустить на обруч и катать по улице палкой.

С плеч у здешних женщин свисали сумочки, ноги их обтягивали короткие юбки (одна накрашенная так даже курила, сидя за рулем машины), ногти их покрывал лак, губы их были красны, как тюльпаны. На своих высоких каблуках, в своих темных очках они мчались куда-то, будто по срочному делу, и аромат духов шлейфом вился за ними. Все они наверняка закончили университет, подумалось Мариам, и работают в конторах в роскошных зданиях, каждая за своим отдельным столом, и печатают на машинке, и ведут по телефону важные переговоры с высокопоставленными людьми. Жизнь их окутана благоухающей тайной. Куда Мариам до них, с ее-то одиночеством, невежеством и заурядной внешностью!

Рашид хлопнул ее по плечу и сунул что-то в руки:

– Держи.

Это был темно-красный шелковый платок, вышитый по краям золотой нитью. Бахрома его была отделана стеклярусом.

– Нравится?

Мариам подняла голову. Рашид заморгал и отвел глаза. Это ее тронуло.

Джалиль делал подарки добродушно, весело, широким жестом, как бы не ожидая особенной благодарности. Нана была права насчет его подношений – им недоставало искренности. Своими дарами Джалиль как бы старался замолить собственные грехи, успокоить совесть. И это чувствовалось.

А вот платок был подарен от всей души.

– Какой красивый, – сказала Мариам.

В тот вечер Рашид опять наведлся к ней в комнату, но курить, стоя в дверях, не стал. Два шага – и он сел к ней на кровати, только пружины заскрипели.

Помедлив, он протянул руку, своими толстыми шершавыми пальцами погладил ее по лицу, по шее. Затем рука скользнула ниже, ухватилась за ворот сорочки.

– Не надо, – прошептала Мариам.

Яркая луна высвечивала его профиль, массивные плечи и широкую грудь, поросшую седыми волосами.

Рашид сильно сжал ей правую грудь. Послышалось сопение. И вот он уже под одеялом рядом с ней. Пальцы его задвигались – он развязал резинку на своих штанах и с коротким всхрапом взгромоздился на жену. Всхлипнув, Мариам закрыла глаза и стиснула зубы.

Боль была резкой и внезапной. Мариам впилась зубами себе в руку, другой рукой обняла Рашида и прижала к себе. Задыхаясь, он уткнулся лицом в подушку. Чувствуя у себя на плече его горячее дыхание, она устремила взгляд в потолок. Пахло табаком, луком и жареной бараниной. Его бритая щека царапала ей лицо.

Все закончилось быстро.

Лежа рядом с ней на спине, он поднес руку к лицу. В темноте сверкнули светящиеся стрелки его часов.

Супруги не смотрели друг на друга.

– В этом нет ничего постыдного, – невнятно пробормотал Рашид. – Мы ведь муж и жена. Сам Пророк со своими женами занимался тем же самым. Тут нечего стыдиться.

Немного погодя он поднялся, набросил на нее одеяло и удалился к себе.

Мариам осталась наедине сама с собой, с ледяными звездами на небе, с тучкой, закрывшей лик луны словно свадебная вуаль.

И с утихающей болью.

12

В том году – а шел 1974-й – Рамадан наступил осенью. Стоило тоненькому серпу луны показаться на небе, как город стал совсем другой, сменил обличье, ритм, настроение. А то ведь Кабул совсем погрузился в сонную тишину, даже бывшее оживление на улицах куда-то кануло. Лавки опустели, рестораны погасили огни, двери их закрылись. Никто не курит на людях, не пьет чай у открытого окошка. И вот зашло солнце, выстрелила пушка со склона горы Ширдарваза... Наступил *ифтар*¹⁴. Можно пировать. Впервые за пятнадцать лет жизни Мариам почувствовала, что празднует не одна.

Рашид почти не постился – парочку дней, не больше, – и в такие вечера приходил домой в дурном настроении, говорил отрывисто, злился по пустякам. Мариам как-то чуть задержалась с обедом, глядь – а Рашид уже ест хлеб с редиской и не обращает ровно никакого внимания на только что принесенные женой рис, баранину и курму из бамии. Жует и жует, только желваки бегают, и сердитый такой, жену словно и не видит.

Мариам вздохнула с облегчением, когда Рамадан закончился.

У себя в саманном домике, в первый из трех дней Эид-уль-Фитра, праздника чревоугодия, завершающего Рамадан, они принимали Джалиля. Он являлся в костюме и в галстуке, обаятельно с подарками. Как-то он вручил Мариам шерстяной платок. Посидит с ними немножко за чаем и с извинениями удалится.

– Пошел праздновать Эид со своей настоящей семьей, – прошипит, бывало, Нана, когда Джалиль помашет им на прощанье рукой с другого берега речки.

Заходил к ним и мулла Фатхулла, приносил Мариам шоколадные конфеты, завернутые в фольгу, крашеные яйца, печенье. Попрощавшись со стариком, Мариам забиралась повыше на дерево и съедала подарки, а блестящие обертки кидала вниз, пока они лепестками сказочных цветов не устилали землю у корней. Когда конфеты кончались, Мариам принималась за печенье, потом рисовала карандашом рожицы на крашеных яйцах. Только все это не очень ее радовало. Веселый праздник, когда люди надевают свои лучшие наряды и идут в гости, даже внушал девочке страх. Она представляла себе Герат, радостную толпу, сердечные поздравления, нежные объятия, потом себя, одинокую и заброшенную, и тоскливая печаль зыбким саваном окутывала ее. На душе становилось легче, только когда праздники оставались позади.

В тот год Мариам впервые увидела Эид своих детских фантазий.

Вместе с Рашидом они вышли на улицу и попали в оживленную толпу. Хотя погода стояла холодная, казалось, все население города высыпало из домов и двинулось в гости к родственникам и знакомым. Среди прочих Мариам заметила Фарибу в белом платке, вместе с ней был ее сын Ноор в костюме и застенчивого вида тощий человечек в очках – муж. Да и старший сын был рядом. Как, она сказала, его зовут, Ахмад? В глубоко посаженных глазах Ахмада таилась печаль, со своими степенными неторопливыми движениями он казался рано повзрослевшим, не то что полный мальчишеского задора брат. На шее у Ахмада блестел кулон с выгравированным именем Аллаха.

Фариба помахала Мариам рукой и крикнула:

– *Эид мубарак!*¹⁵

Узнала, значит, несмотря на бурку. Впрочем, с кем мог выйти на люди Рашид, кроме как с женой?

Мариам чуть заметно кивнула ей в ответ.

– Ты знаешь эту женщину? – спросил Рашид. – Она – жена учителя.

¹⁴ Торжественная трапеза – разговение после дневного поста.

¹⁵ Счастливого Эида!

– Нет, мы с ней не знакомы, – ответила Мариам.

– Держись от нее подальше. Каждой бочке затычка. И сплетница, каких поискать. А муж воображает о себе. Как же, образованный. А сам – просто крыса. Ты погляди на него. Вылитая крыса.

Вскоре они дошли до Шаринау. Принаряженные дети носились вокруг, радостно визжали, хвастались подарками. Некоторые женщины несли в руках целые подносы сладостей. Над витринами лавок мигали праздничные фонарики, из громкоговорителей неслась музыка. «*Эид мубарак*», – звучало со всех сторон. Совершенно незнакомые люди поздравляли друг друга.

И тут небо осветилось зелеными, красными и желтыми вспышками. Мариам вспомнилось, как они с муллой Фатхуллой сидели неподалеку от их хижины и смотрели на фейерверк в небе над Гератом. Ей вдруг ужасно захотелось повидать доброго старика. И еще больше – Нану. Ах, если бы Нана была сейчас вместе с ними! Пусть увидела бы, что красота и радость иногда доступны для всех. Даже для отверженных, вроде них с матерью.

И к ним в дом на праздник явились гости, друзья Рашида, одни мужчины. Когда в дверь постучали, Мариам уже знала: ей следует отправиться наверх к себе и плотно закрыть за собою дверь. Так что мужчины во главе с Рашидом пили внизу чай, курили, разговаривали, а Мариам сидела одна-одинешенька. Рашид распорядился строго-настрою: пока гости не ушли, из своей комнаты ни ногой.

Мариам не возражала. Честно говоря, она была даже польщена. Ведь оказалось, что их совместная жизнь для него вроде святыни. Муж готов самоотверженно защищать ее гордость, ее *намус*. Вот как высоко он ее ценит.

На третий день Эида Рашид сам отправился в гости к друзьям. У Мариам расстроился желудок и, промучившись всю ночь, она заварила себе зеленого чая с дробленным кардамоном. Гости оставили в гостиной ужасный беспорядок: кучи шелухи от тыквенных семечек, перевернутые чашки, грязные тарелки. Мариам только диву давалась, прибираясь, какая ужасная лень вдруг может напасть на мужчин.

У нее и в мыслях не было заходить в спальню к Рашиду. Уборка сама собой привела ее в переднюю, потом к лестнице и, наконец, к его двери.

И вот Мариам уже сидит на его кровати (впервые в жизни она оказалась в комнате мужа), обмирая, словно неопытный воришка.

Ее глазам предстали темно-зеленые портьеры, начищенные до блеска ботинки, аккуратно выставленные у стены, серый шкаф с облупившейся на дверце краской. На комод у кровати лежала початая пачка сигарет. Мариам сунула одну себе в рот, подошла к зеркалу, выдохнула воображаемый дым, стряхнула воображаемый пепел и убрала сигарету обратно в пачку. Никогда ей не научиться курить с тем изяществом, с каким курят кабульские гранд-дамы. Просто посмешище какое-то получается.

Зная, что поступает дурно, Мариам выдвинула ящик комода.

Первое, что бросилось ей в глаза, был черный револьвер с деревянной рукояткой и коротким стволом. Прежде чем взять его в руки, Мариам постаралась запомнить, как он лежал. Револьвер оказался тяжелее, чем она думала. Рукоятка удобно легла ей в ладонь, ствол был неприятно холодный. Мариам сделалось не по себе при мысли о том, что у них в доме припрятано орудие убийства. Хотя с другой стороны, Рашид заботится об их безопасности. О ее безопасности.

Под револьвером обнаружилось несколько журналов с обтрепанными уголками. Мариам раскрыла тот, что был сверху. Внутри у нее словно что-то оборвалось, а рот сам собой распахнулся.

Перед ней замелькали женщины, красивые женщины, на которых не было ни юбок, ни штанов, ни чулок, ни белья. Они лежали на смятых простынях и, прищурившись, нахально

смотрели прямо Мариам в глаза. Ноги у большинства из них были с бесстыжей откровенностью расставлены, а некоторые стояли на коленях спиной к ней (будто – Господи, прости – собирались молиться) и победоносно-утомленно косились на нее через плечо.

У Мариам закружилась голова, и она уронила журнал обратно в ящик.

Кто они такие, эти женщины? Почему они позволяют себя фотографировать в таких позах? Мариам чуть не стошнило от отвращения. Так вот чем занимался муж, когда оставлял ее одну! Наверное, она его разочаровала. Тогда чего стоят все его разговоры про гордость и достоинство и про голые ноги клиенток, с которых он снимает мерку! *В местах, откуда я родом, смотреть на лицо женщины вправе только муж!* Интересно, у женщин из этих журналов мужа есть? У некоторых уж точно есть. И братья тоже. Что ж тогда Рашид так настаивает, чтобы она куталась? А смотреть на чьих-то жен и сестер, да еще в таком виде, ему, значит, можно?

В полном смущении Мариам упала на кровать и закрыла лицо руками, глубоко и часто дыша.

Постепенно дыхание у нее выровнялось, и она немного успокоилась.

Объяснение не замедлило явиться.

В конце концов, он – мужчина и, пока она к нему не переехала, много лет жил один. У мужчины свои потребности. Она вон столько месяцев замужем, а соития по-прежнему не несут ей ничего, кроме боли. А в нем клокочет страсть, доходящая до жестокости. Как он на нее кидается, прижимает к ложу, стискивает груди, как яростно двигает бедрами! Как он обходился без женщины? Есть ли у нее право осуждать мужа за то, что Господь создал его таким?

Мариам знала, что никогда не заговорит об этом с мужем. О таком нельзя говорить! Но сможет ли она его простить? Взять Джалилиа (других мужчин она не знала), супруга трех жен и отца девятерых детей, вступившего в незаконную связь с Наной. Чей поступок хуже? И разве вправе она судить других, она, деревенщина, харами?

Мариам выдвинула нижний ящик комода.

Здесь лежала черно-белая фотография мальчика в полосатой рубашке и галстук. Его звали Юнус, она знала. На фото ему было годика четыре или пять. Узкий нос, темные волосы, черные, немного запавшие глаза, – красивый мальчик. Похоже, когда «вылетала птичка», что-то на мгновение отвлекло его внимание.

Еще один снимок, тоже черно-белый, на нем мужчина и женщина. Она сидела, он стоял у нее за спиной. Рашид здесь был молодой, стройный, без седины в волосах, жена – во всем блеске красоты. Конечно, не то что женщины из журналов, но куда красивее Мариам. Нежная линия подбородка, длинные черные волосы, разделенные посередине на пробор. Мариам представила себе свое длинное лицо и тонкие губы, и ее кольнула зависть.

Что-то в этом фото было странное. Положив руки жене на плечи, Рашид скупно улыбался. А у той лицо было сумрачное, угрюмое, и все ее тело подалось вперед, будто страхи ладони мужа.

Насмотревшись, Мариам аккуратно уложила снимки обратно в ящик, как были.

Зря она к нему зашла.

Чего ради она рылась в его вещах? Разве она узнала о нем что-нибудь важное? Ну да, у него есть револьвер и мужские потребности. И не надо было так долго смотреть на его фото с женой. Слишком уж многое оно ей сказала.

Мариам стало жалко Рашида. Ему тоже нелегко жилось, и судьба была к нему немилостива. Она подумала о мальчике Юнусе, его сыне. Он бегал по этой лестнице, лепил в этом дворе снеговиков... Озеро отняло его у Рашида, пожрало мальчика, подобно киту из Корана, поглотившему его тезку-пророка. У Мариам заболела душа, стоило ей представить себе, как беспомощный Рашид в ужасе бегал по берегу и умолял озеро вернуть ему сына, и она впервые почувствовала, что все-таки муж ей не чужой.

Ничего, стерпится – слюбится.

13

Что-то странное приключилось с Мариам, когда они возвращались на автобусе от доктора. Куда бы она ни глянула, краски поражали своей яркостью. Унылые бетонные коробки, лавчонки под железными навесами, грязная вода в канавах – все переливалось у нее перед глазами радужными цветами.

Рашид барабанил пальцами по спинке сиденья и мурлыкал про себя песенку. Всякий раз, когда автобус подпрыгивал на ухабе, рука его тянулась к животу жены, словно желая предохранить от толчков.

– Как тебе Залмай? – спросил он. – Отличное пуштунское имя.

– А если родится девочка?

– Будет мальчик. Да. Я знаю.

Пассажиры в автобусе вдруг загомонили и прильнули к окнам.

– Смотри. – Рашид постучал по стеклу косточкой пальца и улыбнулся. – Что делается.

Люди на улицах замерли, задрав головы. Даже водители на перекрестках высовывались наружу и смотрели вверх, радуясь первому снегопаду, крупным мягким хлопьям, посыпавшимся с неба.

Это все свежесть, белизна, невинность, подумала Мариам. Потом все перемешается с грязью, подтает, потеряет очарование. А сейчас, в самом начале зимы, все еще девственно чистое.

– Если будет девочка, – пробурчал Рашид, – хотя будет мальчик, называй ее как тебе угодно.

На следующее утро Мариам разбудили визг пилы и стук молотка. Она накинула на плечи платок и спустилась во двор. Снег уже не валил, как вчера. Легкие снежинки сверкали в воздухе и чуть покусывали за щеки. Пахло угольной гарью. Кабул, накрытый белым одеялом, притих, пуская в небо тугие завитки дыма.

Рашид под навесом, гвозди во рту, сколачивал вместе деревянные планки.

– А я-то хотел сделать тебе сюрприз. Мальцу нужна кровать. Пока не готово, не смотри.

Очень уж ты торопишься, подумала Мариам. Откуда ты знаешь, что будет сын? А если что случится? Вчера Рашид принес крошечную дубленочку с шитыми красным и желтым шелком рукавами. Для мальчика. Ну разве так можно?

Рашид поднял с земли длинную узкую рейку и принялся пилить пополам.

– Лестница – вот что меня беспокоит. Когда он еще вырастет, чтобы спокойно взбираться по ступенькам. Надо будет что-то придумать. И еще печка – как бы не обжегся. И ножи с вилками не забыть попрятать. А то за мальчишками не уследишь – такие безобразники.

Мариам плотнее закуталась в платок.

Миновал день – и Рашид сказал, что хочет пригласить на торжественный обед друзей. С утра Мариам перебрала чечевицу, замочила рис, нарезала баклажаны, отварила лук-порей и говядину для *ошака*¹⁶. Потом она подмела пол, выколотила портьеры, проветрила дом. Опять пошел густой снег. Мариам разложила тюфяки и подушки вдоль стены гостиной, расставила по столу чашки со сладостями и жареным миндалем.

Начало смеркаться. Еще до прихода первого гостя Мариам удалилась к себе и легла. Снизу доносились громкие голоса и смех, а она все поглаживала себя по животу – никак не

¹⁶ Одно из самых известных афганских блюд: клецки, фаршированные луком-пореем, подаются под соусом из йогурта и мяса, посыпаются мятой.

могла удержаться – и думала о том, как в ней растет новая жизнь. На глаза у нее наворачивались слезы.

Мариам думала о долгой дороге (целых шестьсот пятьдесят километров), отделявшей их от Герата, лежащего на западе, почти на самой границе с Пакистаном. Они с Рашидом проехали через большие и маленькие города, через деревушки, через горные перевалы и выжженные солнцем пустыни. И вот теперь у нее есть свой дом и свой муж. Но путь ее еще не окончен, ее ждет материнство. Как сладко думать о ребенке. Это *ее* малыш, *их* малыш. Перед ее любовью к нему все прочее в ее жизни кажется таким маленьким.

И ей не придется больше собирать камушки!

Внизу кто-то хлопнул в барабан, откашлялся. Понеслись пронизанные ритмами песни.

Живот у Мариам был такой мягкий и гладкий. «Он пока всего-то с ноготок», – сказал доктор.

«Я буду матерью, – радовалась она. – Я буду матерью», – повторяла она снова и снова, смакуя каждое слово. И радость смыла все горести и печали. Сам Господь привел ее сюда. «Аллаху принадлежит и восток и запад; и куда бы вы ни обратились, там лик Аллаха. Поистине, Аллах объемлющ, ведущий!»¹⁷ – частенько повторял мулла Фатхулла слова Корана.

Мариам расстелила молитвенный коврик и совершила намаз. Закончив молиться, она попросила Аллаха не оставлять ее своей милостью.

Это Рашиду пришло в голову отправить жену в *хамам* – баню. Раньше Мариам никогда не была в бане, но, по словам Рашида, нет ничего восхитительнее, чем выйти из жары на свежий воздух и почувствовать, как твоя кожа дышит.

В женской бане смутные силуэты были еле видны в облаках пара. То чье-то бедро вынырнет, то плечо. Визг девчонок, ворчание старух, плеск воды будто вязли в четырех стенах. Мариам села в дальнем углу и начала тереть пятки пемзой, довольная, что пар скрывает ее от посторонних глаз.

Показалась кровь.

Мариам громко закричала.

Шлепанье босых ног. Проступающие из тумана женские лица. Цоканье языков.

Поздним вечером Фариба рассказывала в постели мужу, как жена Рашида корчилась в луже крови, поджав колени.

– Представляешь, Хаким, у нее даже зубы стучали, так ее трясло. И она все спрашивала меня тонким голоском: «Так бывает, правда? Ведь ничего страшного не случилось? Да?»

Еще одна поездка на автобусе вместе с Рашидом. Опять валит снег. Глубокие сугробы лежат на тротуарах, снег покрывает крыши, клочьями свисает с веток. Лавочники расчищают подходы к своим лабазам. Мальчишки гоняются за черной собакой, машут руками проезжающему автобусу. Мариам смотрит на мужа. Глаза у него закрыты, но на этот раз он ничего про себя не мурлычет. Мариам тоже закрывает глаза. Ей хочется поскорее снять ледяные носки, сорвать с себя колючий влажный свитер. Ей хочется побыстрее доехать.

Дома она ложится на диван, и Рашид накрывает ее одеялом. Движения его холодны и небрежны.

– Ну что это за ответ, – никак не может успокоиться он. – Я ведь не к мулле пришел, а к доктору. И заплатил, что положено. А он мне: «Господне попущение».

– Ты бы отдохнул. – Мариам свернулась клубком под одеялом.

– Господне попущение! – кипятится Рашид.

И уходит к себе. И курит до самой ночи.

¹⁷ Коран, сура 2, аят 109.

Мариам лежит, поджав колени, глядя на крутящиеся за окном снежинки. Нана как-то сказала ей, что каждая снежинка – это горестный вздох женщины. Вздохи поднимаются к небу, собираются в облака и тихо падают обратно на землю.

«Напоминанием о женских страданиях, – говорила Нана. – Вот так, безропотно, мы переносим все тяготы».

14

Теперь стоило Мариам подумать о стоящей в сарае незаконченной колыбельке или о дубленочке, что так и осталась висеть у Рашида в шкафу, как неизбежное горе охватывало ее, она слышала голодное гуканье ребеночка, его невнятное лепетание... Вот она дает младенцу грудь, он сосит и чмокает... Скорбь волной захлестывала ее, сбивала с ног. Она и не догадывалась, что можно так тосковать по нерожденному, которого ей и увидеть-то не довелось.

Потом кручина понемножку отступила. Бывали дни, когда мысли о прошлом уже не причиняли такой боли. А то ведь порой она еле поднималась с кровати, чтобы помолиться, постирать, приготовить Рашиду поесть.

Мариам страшилась выходить из дома. Ее снедала зависть к соседкам, родившим столько детей. Ведь у некоторых было по семь-восемь чад. И как женщины не понимали своего счастья, не постигали, как милостив к ним Господь, давший выносить и выкормить кроху! А вот ее малютку смыла грязная мыльная вода.

Мариам из себя выходила, слышав жалобы на сыновей-хулиганов и бездельниц дочерей.

Внутренний голос пытался ее успокоить, утешить: «У тебя будут еще дети, *Иншалла*¹⁸. Ты молодая. У тебя все впереди».

Но у горя Мариам были четкие очертания. Она смертельно тосковала по *этому* малютке, по вмиг ушедшему короткому счастью.

Порой ей казалось, что она не заслужила милости Господа, что это ей наказание за вину перед Наной. Ведь Мариам будто сама затянула петлю на шее матери. Вероломная дочь не может стать матерью, такова Божья кара. По ночам ей снились кошмары. Мамин джинн проскользнул к Мариам в комнату и когтями вырывал из утробы ребенка. А Нана довольно смеялась.

Бывало, ее душил гнев. Это Рашид виноват, рано начал радоваться. И с чего он взял, что у них родится мальчик? Ведь пути Господни неисповедимы. И зачем потащил в баню? Грязная вода, мыло, пар, жара – и вот, случилось непоправимое. Нет, нет, Рашид ни при чем. Вина лежит на *ней одной*. Это она спала не на том боку, лопала острое, не ела фруктов, пила слишком много чая.

Это все попущение Господне. Бог насмехается над ней. Осчастливил, подразнил – и вдруг лишил своего благоволения.

Только не надо кощунствовать. Аллах милостив. Ему не пристала мелочная месть. В ушах у нее зазвучали слова муллы Фатхуллы: «Благословен тот, в руках которого власть и который властен над всякой вещью, который создал смерть и жизнь, чтобы испытать вас, кто из вас лучше по деяниям, – Он велик, прощающ!»¹⁹

И Мариам становилась на колени и молила о прощении за нечестивые мысли.

После того, что случилось в бане, Рашид явно переменялся к жене. Теперь он почти не разговаривал с ней, когда возвращался домой с работы. Ел, курил и отправлялся спать. Иногда врывался среди ночи и грубо овладевал ею. Часто сердился по пустякам, придирался: то в доме нечисто, то во дворе беспорядок, то обед невкусный. По пятницам они иногда гуляли по Кабулу, как бывало, но Рашид теперь почему-то постоянно торопился, и она поспевала за ним чуть ли не бегом. И смеялся он теперь редко, и достопримечательностей не показывал. А вопросы его только злили.

¹⁸ Бог даст (*арабск.*).

¹⁹ Коран, сура 67, аяты 1—2.

Однажды вечером они сидели в гостиной и слушали радио. Зима уже была на исходе. Ледяные метели стихли. С веток высоких вязов капало, парочка недель – и появятся нежно-зеленые почки. Рашид притопывал ногой в такт песне, курил, щурил глаза.

– Ты сердит на меня? – спросила Мариам.

Рашид слова не сказал в ответ. Музыка кончилась, настало время новостей. Дикторша сообщила, что президент Дауд Хан, к неудовольствию Кремля, выслал из страны очередную группу советских консультантов.

– Я волнуюсь, что ты на меня сердишься.

Рашид вздохнул:

– Правда?

Наконец-то соизволил посмотреть на нее.

– И на что мне сердиться?

– Не знаю, но с тех пор, как наш малыш...

– Так вот за кого ты меня принимаешь. А я ведь столько для тебя сделал.

– Я ничего такого не думаю...

– Тогда не приставай ко мне.

– Прости. *Бебахи*, Рашид. Прости меня.

Он потушил окурок, зажег новую сигарету, сделал звук погромче.

– Я все думаю... – Мариам старалась перекрычать радио.

Рашид сердито вздохнул, немного убавил громкость, устало потер лоб.

– Что еще?

– Я все думаю, может, нам устроить настоящие похороны? Чтобы ребенок был погребен как полагается, с молитвами.

Мариам долго размышляла над этим. Нельзя, чтобы крошку все забыли. А на то есть освященный веками обряд.

– Это еще зачем? Что за дурость!

– Мне будет легче.

– Вот и займись этим сама. Я уже похоронил одного сына и второго хоронить не собираюсь. А сейчас не мешай слушать.

Он прибавил звук, откинулся назад и закрыл глаза.

На следующей неделе, солнечным утром, Мариам вырыла во дворе ямку, бросила в нее дубленочку, купленную Рашидом, и присыпала землей.

– Во имя Аллаха милостивого, милосердного, и во имя посланца Господня, да пребудет с ним мир и благословение Аллаха, – шептала она, вонзая в почву лопату. – Ты вводишь ночь в день и вводишь день в ночь, и выводишь живое из мертвого, и выводишь мертвое из живого, и питаешь, кого пожелаешь, без счета!²⁰

Мариам присела на корточки у холмика.

– Милостивый Господь, дай пищу мне.

²⁰ Коран, сура 3, аят 27.

15

Апрель 1978

17 апреля 1978 года – Мариам стукнуло девятнадцать – человек по имени Мир Акбар Хайбер был найден убитым. Два дня спустя в Кабуле прошла громадная демонстрация. Все соседи только об этом и судачили. Мариам видела в окно, как они размахивают руками, как, прижав к уху транзисторы, ловят каждое слово, как беременная Фариба, сложив руки на большом животе, оживленно беседует во дворе своего дома с какой-то женщиной, которую Мариам раньше не видала и имени которой не знала, с рыжими волосами и постарше Фарибы. За руку рыжеволосая держала маленького мальчика – вот его имя Мариам хорошо расслышала, его звали Тарик.

Мариам и Рашид на улицу выходить не стали – они слушали радио. Десять тысяч человек прошли маршем по правительственному району Кабула. Рашид сказал, не глядя на жену (Мариам даже засомневалась, к ней ли он обращается), что этот самый Мир Акбар Хайбер был известным коммунистом и что теперь его сторонники обвиняют правительство Дауд Хана в смерти товарища.

– Кто это – коммунист? – спросила Мариам.

Рашид засопел и наморщил низкий лоб.

– Не знаешь, кто такие коммунисты? Ну ты даешь. Это всем вокруг известно. Кроме тебя, конечно. Коммунист – это тот, кто верит в Карла Марксиста.

– А кто такой Карл Марксист?

Рашид тяжело вздохнул. Дикторша сказала по радио, что Тараки²¹, глава фракции «Хальк» Народно-демократической партии Афганистана²², выступает перед демонстрантами с подрывными речами.

– Я хотела спросить, чего они добиваются? Во что они верят, эти самые коммунисты?

Рашид фыркнул, затряс головой, всплеснул руками, закатил глаза, но уверенности в его голосе Мариам не заметила.

– Ничего не соображаешь, да? Как ребенок. Голова совсем пустая.

– Я только спросила...

– *Чун ко.* Замолчи.

Мариам смолкла.

Она уже привыкла к постоянным грубостям, насмешкам, оскорблениям, привыкла, что в глазах мужа она как бы и не человек вовсе, а так... нечто вроде домашней кошки. Четыре года замужества показали Мариам, что страх может заставить вынести многое. А она боялась. Рашид был вспыльчив, раздражителен, вечно нацелен на ссору, легко распускал руки. Правда, иногда, бывает, остынет и извинится. Но чаще всего и не подумает.

За четыре года, что миновали с трагического происшествия в бане, надежда возродилась и гасла целых шесть раз. И с каждым крахом, с каждой поездкой к доктору Мариам жилось

²¹ Нур Мохаммад Тараки (1917—1979) – афганский политический деятель. В 1965 г. организовал просоветскую Народно-демократическую партию Афганистана (НДПА). Лидер Апрельской революции 1978 г., в результате которой стал президентом Революционного совета. Смещен своим заместителем и тайно задушен.

²² Народно-демократическая партия Афганистана (НДПА) – просоветская партия марксистского толка, существовавшая в 1965—1992 гг. В 1978 г. офицеры – члены НДПА совершили Апрельскую революцию и привели партию к власти. Для того чтобы удержаться у власти, НДПА призвали советские войска (1979—1989). Под влиянием перестройки в СССР партия отказалась от ряда базовых идей и пошла на компромисс с вооруженной оппозицией. Со временем, лишившись поддержки исчезнувшего СССР, она потеряла власть и само-распустилась.

все тяжелее, а муж все больше озлоблялся. Все в ней теперь его раздражало, ничем она не могла ему угодить. А ведь дом у нее сиял чистотой, рубашки у мужа всегда были выстираны, на обед подавались его любимые блюда. Как-то она даже купила тушь, помаду и румяна и к приходу Рашида нарядилась. Того так и передернуло от отвращения. Мариам долго потом оттирала краску с губ и щек, и мыльная вода перемешивалась с тушью и слезами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.